18+

Геннадий Мурзин

ТАЙНА СОСНОВОГО БОРА

Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Тайна соснового бора. Уральский криминальный роман

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Тайна соснового бора. Уральский криминальный роман /
Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908009-7

Новый (шестой по счету) детективный роман Геннадия Мурзина «Тайна соснового бора» не только чудовищно трагичен, но и глубоко психологичен; как и прежде, книга основана на реальных событиях, имевших место быть на Среднем Урале; главные герои повествования легко узнаваемы, прежде всего, Александр Фомин, ставший (после ухода в отставку) директором частного сыскного агентства. Текст держит читателя в напряжении буквально до конца романа.

ISBN 978-5-44-908009-7

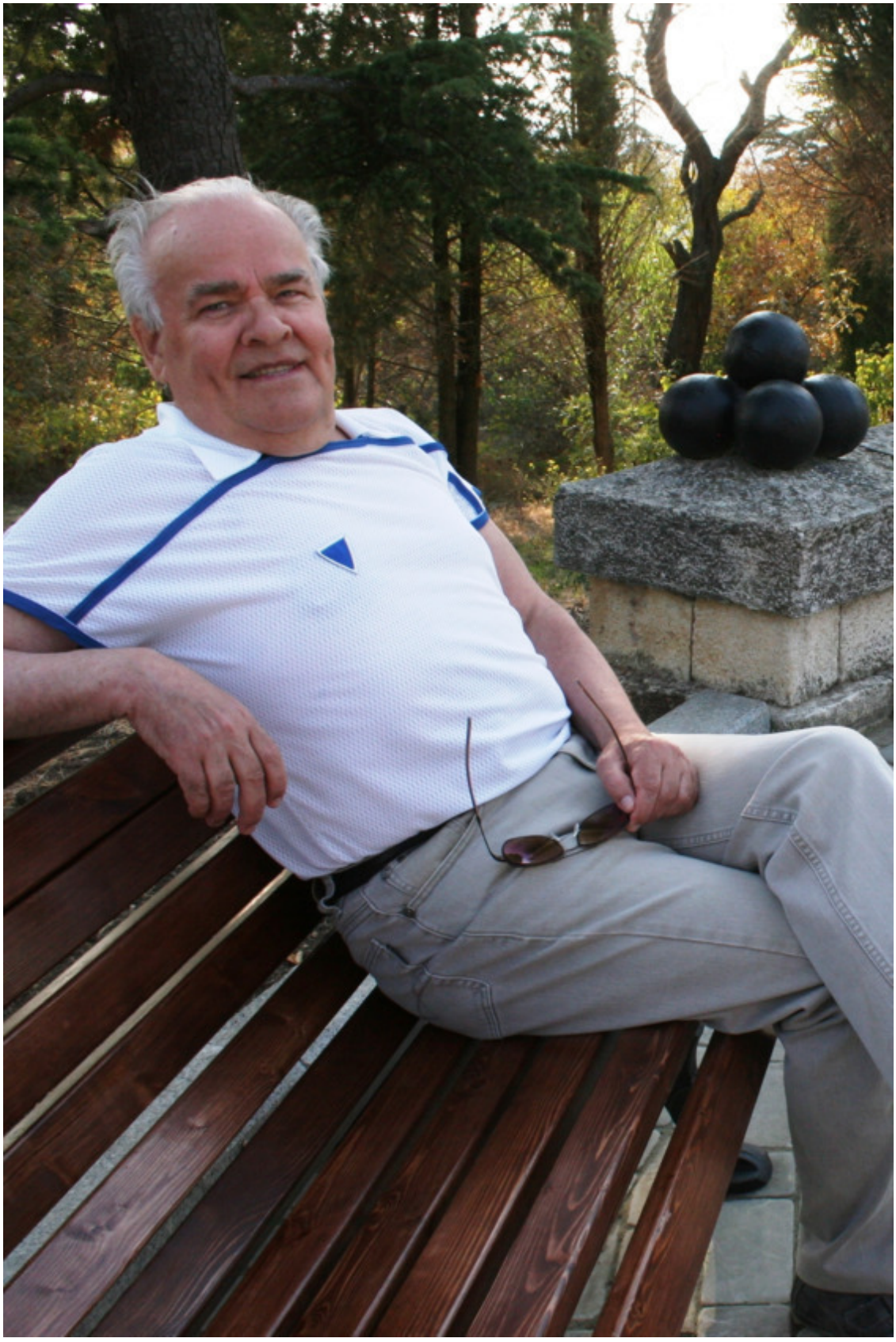
© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 7
Семейство Ромашиных 7
Династия 7
Возмущение 9
Глава 2 11
Детективное агентство и его хозяин 11
Тюльпаны 11
Делопроизводительница 12
Звонок 15
Глава 3 17
Один за другим потянулись визитёры 17
Курбатов 17
Заявитель 20
Глава 4 25
Встречи в Староуральске 25
Нравы 25
Помощник 30
Глава 5 34
Детектив избирает наступательные позиции 34
Муравьев 34
Присоединение 37
Глава 6 42
Страсти накаляются, но почему? 42
Суета 42
Вопросы 45
Жандарм 47
Глава 7 52
Немотивированный подозреваемый 52
Нащупывания 52
Откровения 54
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Тайна соснового бора
Уральский криминальный роман
Геннадий Мурзин

Геннадий Мурзин *Редактор*
Геннадий Мурзин *Корректор*
Сергей Мурзин *Фотограф*
Геннадий Мурзин *Фотограф*
© Геннадий Мурзин, 2018
© Сергей Мурзин, фотографии, 2018
© Геннадий Мурзин, фотографии, 2018
ISBN 978-5-4490-8009-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Геннадий Иванович Мурзин, автор. Севастополь, Малахов курган. Октябрь 2017-го.

Глава 1

Семейство Ромашиных

Династия

Так уж случилось, что Ромашины еще в конце девятнадцатого века породнились с горячим производством на Староуральском казенном заводе. Тимофей Иванович, глава династии, вихрастым мальчонком, когда остался без попечения родителей, был определен сначала курьером (он был скор на ногу) при управляющем, а потом пошел выше: шихтовщик, помощник литейщика, сталевар, а перед уходом на покой без малого двадцать лет – помощник мастера. Петр Тимофеевич, его сын, пошел по стопам отца и всю сознательную жизнь простоял у пышущей нестерпимым жаром сталеплавильной печи. Внук, то есть Никита Петрович, работал помощником сталевара, заочно окончив институт, стал инженером, потом начальником цеха. Василий Никитич, правнук, освоил трубопрокатное производство и стал оператором прокатного стана 220. Ушел из жизни рано: по причине несчастного случая на производстве. Юрий Васильевич, праправнук, окончив всё тот же политехнический институт, был назначен сменным мастером трубопрокатного цеха, потом старшим мастером.

На этом трудовая династия была прервана, прервана не по желанию праправнука Сергея Юрьевича Ромашина, который, как и его предки, поступил и окончил прославленный политех, являвшийся кузницей инженерных кадров, но по настоянию маменьки, под плотной опекой которой находился сын, он вынужден был отказаться от династических принципов. Говоря по правде, он не слишком-то сопротивлялся, потому что был совсем не тем, кем были его далекие предки: праправнук уже предпочитал не пыльную и не жаркую работу, на которой, бия баклуши и получая приличные бабки, потеть не надо. Какие времена, такие и нравы у поколения, выросшего на ценностях багрового заката двадцатого и бледной зари двадцать первого века. Кстати, Сергей Юрьевич Ромашин – совсем не худший представитель нынешней молодежи: он просто-напросто сменил приоритеты. И надо ли его строго судить? Ничто не вечно под Луной. Все течет, все изменяется. Как сказал древний философ, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. [1]

Когда Юрий Васильевич Ромашин (отец младшенького из Ромашиных) привел в дом будущую невестку (будущую мать Сергея), чтобы поближе познакомить с родителями, то Василий Никитич, быстро смекнув, с кем имеет дело, после ухода Ольги недовольно пробурчал:

– Уж шибко бойкая… Сверло… На одном месте дыру вертит… И тараторка… Тебе, увальню, поспокойнее бы кого-то… Она тебя быстро скрутит в три погибели… Превратит в поганую тряпку… И об тебя ноги будет обтирать.

Мать же в это время сидела, сложив на коленях руки, и молчала, лишь кивала в знак согласия. Потом, правда, тихо как-то, отрешенно заметила:

– Полюбил… По нраву, наверное, сынку пришлась.

Василий Никитич, осерчав на жену, возмутился.

– Какая еще любовь?! Мы вот… Сколько живем с тобой, а о любви – ни звука. Живем, слава Богу, хорошо. Дай Бог каждому.

---

[1] Впоследствии Уральский политехнический институт был преобразован в Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина (). **здесь и далее –** ***примечания автора***

Бурчание отца сын пропустил мимо ушей. Похоже, он был уже в той стадии, когда хоть кол на голове теши – ему все равно. Втюрился, одним словом.

Что было делать? Проглядели, опоздали с нравоучениями, а после драки нет резона кулаками-то махать.

Сыграли свадьбу. Свадьба – не хуже других оказалась, веселой такой.

С появлением невестки в старом доме тесновато стало. Все чаще и чаще Василий Никитич, кряхтя и охая, стал впадать в глубокую задумчивость и чесать в затылке.

Как-то, сидя за ужином, Василий Никитич заговорил о наболевшем

– Сынок, видишь ли… Придется строить новый дом… Попросторнее… Чтобы было где внуку разбежаться… А то… Вон, Ольга, носится… Пыль столбом. – Насчет пыли он фигурально выразился, ибо, несмотря на тесноту, в доме поддерживались чистота и порядок, благодаря трудолюбию, нет, не невестки, а свекрови. – Что думаешь, а?

Юрий Васильевич откликнулся вопросом на вопрос:

– Дело, отец говоришь, да где деньги взять-то?

– Ну, это уже, сынок, не твоя забота… Наскребу…

И наскреб ведь! Не сразу, но дом был построен. И какой ведь дом – пятистенник: шесть окон глядели на Запрудную улицу и по два окна с боков. Четыре небольших комнаты и кухонька. Чем, право, не хоромы? Василий Никитич предусмотрел одну комнату для внука. Хотел он внука, мечтал. [2]

Справили опять же шумно новоселье.

Надо заметить, что Василий Никитич как в воду глядел, когда после смотрин бурчал. Потому что Ольга скрутила-таки их сына в бараний рог. И пикнуть не смел без ее разрешения. Только и слышалось в доме: «Сделаю, Олюсенька… Сбегаю, милая… Конечно, моя дорогая». Угодливость сына возмущала отца. И он часто ворчал:

– Ну, хоть бы ногой топнул раз, что ли… И в кого сын пошел?

Юрий Васильевич только улыбался.

– Известное дело: в мать

– Как это «в мать», если та и слова такого, как любовь, не слыхивала?

– Я не про любовь, я про характер.

Василий Никитич согласно закивал.

– А… Ну, да… Золотой у матери характер… Поперек слова не скажет… Мне повезло: имею большой выигрыш… А вот тебе…

– Об этом не будем, отец… Люблю без ума свою Олюсеньку… Такое счастье привалило… И за что только?..

Василию Никитичу не повезло в другом: так и не дождался внука. Невестка долго не могла родить, а свекор вскоре погиб в цехе. Через год, также не дождавшись внука (наверное, горевала сильно), умерла и мать. Через год в трудных муках Ольга все-таки родила сына, которого назвали Сергеем, после чего она уже не могла иметь детей.

Прошли годы. Сегодня – всё изменилось. У Ромашиных – Юрия Васильевича и Ольги Валерьяновны – дом, можно сказать, полная чаша. Вместе с изменением статуса Ольги Валерьяновны стало расти и благосостояние. Рядом с родительским домом, который все-таки с боем отстоял Юрий Васильевич и не дал разрушить, вырос трехэтажный особняк из красного кирпича площадью почти триста квадратных метров и приусадебный участок в гектар, три иномарки, просторный гараж. Разумеется, все это хозяйство (с модой этой не поборешься) обнесено трехметровым бетонным забором.

[2] Так уральцы называют бревенчатые дома, которые по середине разделены на две половины глухой капитальной стеной. Обычно входы в обе части отдельные, из сеней.

Возмущение

…Семь вечера. Семья собралась за ужином. Здесь давно заведено: после семи – никакой пищи. Разве что стакан апельсинового сока. Порядок придерживается строго. Якобы, ради поддержания здоровья.

В просторной столовой на первом этаже за большим столом собрались: Юрий Васильевич, Ольга Валерьяновна, Сергей Юрьевич, его трехлетняя Ксюшенька и ее воспитательница Алла Денисовна Дробышева, живущая также в этом доме, и ее комната находится рядом с детской. Пустым оказался один стул.

Ольга Валерьяновна строго спросила:

– В чем дело? Где невестка?

Сын пожал плечами.

– Без понятия.

– Ей особое приглашение нужно?.. Если так, поднимись, приведи.

– Светланки нет дома.

– Это еще что за фокусы? Где жена твоя?

Сын повторил:

– Без понятия.

Ольга Валерьяновна вскипела.

– А кто должен знать? Ты муж или не муж?!

Алла Денисовна решилась вступить в перебранку между матерью и сыном.

– Светланы давно уже дома нет.

– Как давно? – спросила свекровь.

– Точно не могу сказать… Я не видела, когда Светлана ушла.

Ольга Валерьяновна обвела всех взглядом.

– Кто-нибудь знает?

Юрий Васильевич первым решил ответить на прямо заданный вопрос:

– Лично я не видел невестку с утра, то есть с того времени, когда уехал на работу. И до сих пор не догадывался, что ее нет дома.

Сергей Юрьевич мрачно добавил:

– До ужина возился с машиной и… Когда поднялся к себе, то жены не было на месте… Куда-то ушла.

Ольга Валерьяновна зло поджала губы.

– Бардак! Человек ушел и никто не знает, где он до сих пор. А на улице уже темно. Черт знает что происходит. Девка своевольничает… Я этого не потерплю, несмотря на потворство сыночка… А что говорит охранник?..

Сергей Юрьевич вновь пожал плечами.

– Спрашивал. Он тоже ничего не знает.

– Она на крыльях улетела, что ли? А, – Ольга Валерьяновна махнула рукой, – черт с ней… Семеро одного не ждут.

Ольга Валерьяновна первой встала из-за стола. Вытерев салфеткой губы и руки, зло бросила ее на стол:

– Опять взялась за старое! – Прошипела она и ушла к себе.

Сергей Юрьевич до полуночи искал жену, но все безрезультатно. Обзвонил подруг, но они утверждали, что не видели и ничего не знают про Светланку.

Спохватившись, что при ней должен быть сотовый телефон, стал раз за разом набирать номер. Но в ответ слышал одно: «Абонент находится либо вне зоны доступа, либо аппарат отключен». Многое передумал в эту ночь, бродя по пустынным улицам, Сергей Юрьевич.

Какие только предположения не рождались в воспаленной голове, вплоть до того, что с женой произошел несчастный случай. «Пусть так, – думал он, – но почему нет никаких известий и почему отключен телефон? Вне зоны доступа? Чепуха! Светланка не могла далеко уйти или уехать, потому что все документы дома, а без них…»

Глава 2

Детективное агентство и его хозяин

Тюльпаны

Утро. Довольно-таки легкий уральский морозец, ослабевший за ночь, и слабый ветерок пытаются с необыкновенным нахальством забраться ему за воротник, но толстый и теплый шарф, обмотанный вокруг его по-прежнему бычьей шеи с таким тщанием, на которое способны лишь женские руки, препятствует. Он идет на работу, которую по-прежнему называет не иначе, как службой. Отчего бы ему так и не считать? Да, он ушел, облегченно при этом вздохнув, с той службы, которой отдал четверть века и давно в отставке, пенсионер. Однако не напрасно слово «служба» образовано от глагола «служить». Вот он и служит, чему может и как может, – обществу, праву и справедливости, в чем россияне крайне нуждаются, при этом оставаясь самим собой, свободным, насколько это возможно, от власти или от могущественных партий, которые на виду и на слуху и которые претендуют, чего не скрывают, на право изречения истин в последней инстанции. Пафосно? Ну и пусть, считает он, но зато истинно. Если кто-то думает о нем иначе, тот пусть первым попробует зафигачить в него булыжником. Именно, попробует. Потому что, в чем он уверен, смельчаки, знающие его характер, вряд ли осмелятся рисковать.

Вот такой он. И тем гордится. Да, он понимает, ибо не дурак, что гордый человек обходится дорого, особенно – самому себе. Но он же за ценой не постоит. Так всегда было и впредь так будет. Видя его таким, жена пытается ворчливо называть глупцом и вспоминает мудрость: дескать, лишь курица, у которой мозгов мизер, гребет от себя, а не под себя. Его реакция? Ухмыляется – вот и все. Тридцать лет вместе и ему ли не знать, что его жена на самом-то деле так не думает. Наоборот, всем говорит (до него доходит лишь из третьих уст), что муж чист на руку, что щепетилен до невозможности, а однажды, мол, жестко отверг добровольное предложение человека, попытавшегося своим автомобилем умышленно сбить мужа на пешеходном переходе, возместить материальный ущерб и моральный вред в любой сумме, вплоть до миллиона рублей, а это тогда была огромнейшая сумма. [3]

Муж-то помнит, но не вспоминает, а жена гордится.

Остановился на пешеходном переходе, дожидаясь, когда светофор загорится разрешающим. Он, хмыкнув, вслух сказал:

– Чертовски приятно.

Спохватившись, что рядом толпа, оглядев ее, понял, что никто не обратил внимания на что-то бормочущего вслух мужика.

Перейдя улицу Шевченко, остановился. Слева – театр юного зрителя, а справа, на углу улиц Шевченко и Преображенского проспекта, стояли две близняшки-девятиэтажки. На первом этаже одной из них (той, что ближе всего к улице Шевченко) разместился его офис. Не слишком просторен, но, как считает хозяин, купивший двухкомнатное помещение, вполне достаточен для его конторы. [4]

---

[3] Об этой попытке убийства Фомина подробно рассказано в пятом детективном романе «Смертельный нокаут», вышедшем в свет в 2016 году. Книга, кстати, доступна для покупки в интернет-магазинах, например, www.ozon.ru.

[4] На самом деле и не проспект, тем более не Преображенский, но мой герой упрямо называет так, как называлась эта улица до октябрьского (1917 года) переворота и здесь стоял прекрасный православный храм Преображения Господня, потом

К тому же сидеть в офисе ему редко приходится: то в разъездах по области, то с утра до вечера бегает по Екатеринбургу.

Только что в голове мелькнула мысль: он должен сделать что-то важное. Мелькнула и исчезла, не оставив и следа.

После некоторых раздумий, не обращая никакого внимания на бегущих мимо озабоченных пешеходов, он хлопает себя по лбу и громко восклицает:

– Черт! Я же обязан купить живые цветы… Традиция. Кто скажет, что помощница, можно сказать, правая рука не заслуживает?

По правде говоря, согласно штатному расписанию должность его единственного сотрудника называется иначе и куда проще – делопроизводитель. Но от этого сотрудник ни на грамм не становится хозяину офиса менее милым. Потому что – правая рука и к тому же…

Он, миновав офис, бежит в ближайший гастроном, занимающий весь первый этаж большого дома, построенного еще до войны, где в дальнем углу торгуют цветами. Продавщица, знающая своего постоянного клиента, встречает улыбкой.

– Думала, что в командировке, и не придете.

– Нет-нет, сударыня. – Слышит подобное к себе обращение от этого клиента всегда, но каждый раз почему-то получает удовольствие и от него краснеет. – Сегодня, как говорят большие чиновники, весь день буду работать с документами.

Приняв букет из алых тюльпанов и нескольких веточек зелени, красиво обернутых прозрачной пленкой и перевязанных голубой шелковой лентой, расплатившись, столь же быстро убегает.

«Сударыня», по прежнему улыбаясь, провожает покупателя качанием головы. Потом произносит:

– Счастливица та, которую так любят.

Делопроизводительница

А покупатель, тем временем, влетает в офис и с порога, не успев еще за собой прикрыть дверь, кричит:

– С добрым утром, Галина Анатольевна!

Со стороны приемной слышит знакомое ворчание:

– Кому утро, а кому и день…. Полтора часа роюсь в бумагах

У них так заведено: в восемь утра – открывает офис и начинает рабочий день она, то есть делопроизводитель Галина Анатольевна, а лишь час или полтора спустя заступает на службу хозяин детективного агентства.

– Сударыня, где вы? Жду-с…

– Поседел, а все как малое дитя, – ворчит Галина Анатольевна, а все-таки появляется-таки в прихожей и спрашивает. – Что надобно, хозяин?

– Не мне, сударыня, а вам… Вот… Примите… Как знак благодарности за кропотливое служение.

Женщина принимает букет и сурово спрашивает:

– Не жалко денег?

– Нет, сударыня! К вашим ногам, – на работе он подчеркнуто и неизменно на «вы», а вне ее – другое дело, – готов положить полмира. Или вам не нравится подарок?

– Н-нравится, – главная канцеляристка нюхает цветы, – но…

– Никаких «но», ясно?

– Да ясно, ясно.

уничтоженный большевиками.

Говорит Галина Анатольевна и, усмехаясь, прижимая букет к груди, отступает в сторону, чтобы шеф мог пересечь приемную и войти в директорский кабинет, обставленный очень скромно, но стильно. Чей тут чувствуется вкус? Право, сразу не скажешь. Очевидно лишь то, что следит за порядком и наводит блеск рука любимой женщины.

Проходит полчаса. Это время необходимо хозяину, чтобы в покое оглядеться; как он выражается, чуть-чуть покумекать, пошевелить мозгами, которые, по его мнению, в рабочем положении скрипят и допускают сбои, вызванные, наверное, возрастом.

«Главная канцеляристка», взглянув на настольные электронные часы, откладывает в сторону кипу бумаг, встает и идет к шефу с докладом.

– Ну-с, сударыня, присаживайтесь.

«Сударыня», чему-то ухмыляясь, принимает предложение.

Фомин с минуту молчит, будто не знает, с чего начать, и лишь потом говорит:

– Как обстановка?

Продолжая ухмыляться, сотрудница отвечает:

– Нормальная обстановка.

– Это хорошо… А, простите, почему улыбаетесь?

– Так шеф не запрещает… – Она, прищурившись, ехидно спрашивает. – Или что-то изменилось за время вашего нахождения в командировке?

– Ваша правда: на улыбки в должностной инструкции запретов нет. Но все-таки?

– Радуюсь…

– Чему же, позвольте у вас поинтересоваться?

– А тому, что шеф не успел испортить настроение. Не повод, что ли?

Фомин, загадочно и несколько даже фамильярно подмигнув, уточнил:

– И, кажется, более того…

– Ах! Ну, да, шеф… Как могла забыть: повода для улыбки даже два!

– Превосходно, сударыня. В таком случае перейдем к делам насущным.

– Всегда готова!

– Были в банке? – Женщина кивнула. – И что с нашим счетом?

– Как всегда.

Фомин облегченно и совсем непритворно вздохнул:

– Значит, с уплатой налогов по итогам года проблем не предвидится?

Со стороны делопроизводительницы последовал укол.

– Нет. Да и откуда проблемам взяться у такого прижимистого шефа?

Фомин согласно кивнул.

– Опасаюсь банкротства.

Взглянул в окно, за которым сновали люди и рычали российские машины, вспомнил по сему случаю едкий стихотворный куплет…

Ухмыльнувшись, чем в сотруднице вызвал недоумение, спросил:

– Звонили?

– Да.

– Насчет чего?

– По разным поводам: одним отвечала, если знала что ответить, другим, которые хотели говорить только с шефом и больше ни с кем, – отвечала, что отсутствует, что рекомендую перезвонить завтра, третьи, которые непременно хотели бы с шефом переговорить с глазу на глаз, прийти сегодня, предварительно позвонив.

– Четкая работа, – похвалил Фомин, и это все, что хотели бы сообщить?

– Почти.

– А именно?

– Около пяти вечера позвонил Егор Павлович.

– Ух, чертенок! – Воскликнул Фомин, а на лице его морщинки разгладились, и появилась широкая счастливая улыбка. – Надо будет ему позвонить.

– Можешь не сомневаться: он сам наберет тебя.

– Как его дела?

– Его дела, говорит, катятся как по маслу.

– О чем-нибудь спрашивал?

– Интересуется, придёте ли поздравлять крестника с Рождеством Христовым?

Фомин хмыкнул:

– Вот еще! Будто были случаи, когда забывал.

«Главная канцеляристка» усмехнулась.

– Наверное, считает, что по причине преклонного возраста можете и забыть.

– Неужели так постарел?

– Во всяком случае, не помолодели.

– Не согласен!

– Годы не нуждаются в вашем согласии.

– Нет, сударыня: я, как говорит Карлсон, мужчина – хоть куда, в самом расцвете сил.

– Уже слышала, но с тех пор прошло одиннадцать лет, а это немало, дорогой мой шеф.

Фомин продолжил упираться:

– Для мужчины пятьдесят пять – не возраст.

– А вы давно гляделись в зеркало?

– Сегодня утром… Когда брился… А… что?

– Глубокие морщины на щеках ничего не напоминают?

– Нет.

– А редеющие волосы на голове?

– Не замечаю.

– А поседевшие виски?

– У некоторых виски седеют и в сорок. Так что не факт.

– Вас, хозяин, разве убедишь, даже в том, что очевидно всякому.

– Я, сударыня, не «всякий», позвольте вам заметить. – Это была, разумеется, шутка, после которой помолчал и посмотрел вновь в окно, а там, расшеперившись и перегородив проезд другому транспорту, остановился троллейбус, у которого с контактного провода слетели «рога»; водитель пытался вернуть в исходное положение, создав приличную пробку; самые отчаянные пробовали объехать, как выражаются автомобилисты, по встречке, но там шел густой поток машин. – Кстати, думаю подарить крестнику на Рождество новинку – крутой смартфон.

– А видели, сколько он может стоить?

– Присматривался… В девяносто тысяч можно уложиться.

– Дорого. – Сказала сотрудница и покачала головой. – Две месячных моих зарплаты.

– Учтите: это же от крестного и крестной.

– Все равно…

– Один раз живем.

– Вы хотя бы попытайте родителей: а что, если они надумали осчастливить таким же подарком своего единственного сына?

– Ценный совет… Принимаю… Неудобно, если…

Я Матрёну узнаю
По объемной талии,
А российскую машину
По её рычанию.

Звонок

В приемной зазвонил телефон. «Сударыня» встала и вышла, не прикрыв полностью за собой дверь. Фомин, прислушавшись, понял, что кто-то настойчиво просится на прием.

– Хорошо-хорошо… Переключу вас на шефа. Он занят очень: только что вернулся из командировки. Если вам повезет, то возьмет трубку… Помню, что вы вчера звонили… Да-да… Вас хорошо понимаю… Понимаю, что дело неотложное… Во всяком случае, не надейтесь, что примет сегодня… В лучшем случае, примет завтра… Постойте, посмотрю… Завтра, после полудня у него есть свободное «окно»… Возможно…

И тут только затренькал аппарат в кабинете директора детективного агентства.

– Слушаю… День добрый… Так… Записываю… Зачем?.. Но я должен знать, с кем разговариваю?.. Понятно: Ромашин Сергей Юрьевич… Фамилия знакомая… Из Староуральска… С вами, если мне не изменяет память, никогда не встречался, хотя в Свердловской области меня каждая дворовая собака знает… Вас, сударь, не имею в виду… Да… Зря на свой адрес приняли… Всего лишь хотел сказать, что хорошо всем известен, потому что… Вас понял: вам кто-то рекомендовал обратиться в мое частное детективное агентство… Надежный человек рекомендовал?.. Тем лучше… Для кого?! Позвольте, но для обоих… Уверяю вас… Нет-нет, сударь, только не сейчас и не сегодня… Да… Сотрудница дала вам правдивую информацию… Да, только на четырнадцать ноль-ноль… И, прошу вас, без опозданий. Свободного времени у меня нет…. Нет, ваше «постараюсь» меня категорически не устраивает… Да… Учтите, пожалуйста: если не завтра, то встреча может, конечно, состояться, но лишь на другой неделе… К сожалению… До встречи… Надеюсь, что так и будет… Почему не спрашиваю, что у вас за история?.. Полагаю, что это не для телефонного разговора: интуиция подсказывает… Да, представьте, верю в интуицию… Меня интуиция еще ни разу не подводила… До завтра… Если есть какие-либо документы, советую их прихватить: могут пригодиться. И про паспорт не забудьте: может понадобиться… Как это «для чего»?.. Для возможного заключения письменного договора.

Фомин отключился и только потом услышал звук из приемной, свидетельствующий, что и там на аппарат положена трубка.

Вошла Галина Анатольевна. Спросила:

– Думаете, что-то серьезное?

– Вполне возможно.

– Но… предыдущее расследование не закончено, а собираетесь взяться за другое.

– С чего, сударыня, вы взяли, что я «собираюсь взяться»?

– Но… встреча…

– Выслушаю клиента, что он хочет от меня, что за история у него, а потом… Вы, сударыня, знаете прекрасно, что берусь за расследование не любого дела, а лишь тех и их очень мало, которые чем-то смогли зацепить меня.

Галина Анатольевна утвердительно кивнула.

– Знаю.

Фомин притворился рассерженным, для чего сдвинул все еще жесткие густые брови к переносице.

– Тем более.

Женщина уже прикрывала за собой вторую дверь, когда шеф остановил ее:

– Одну минуту… Заготовьте два экземпляра договора… Может завтра понадобятся… Человек из другого города. Гонять его туда-сюда не стоит.

Дверь плотно закрылась.

Детектив сидел, а в голове вертелась фамилия. Интересно, думал он, почесывая тем, что подвернулось под руку, – тупым концом ручки в затылке, что мне напоминает фамилия «Ромашин»? Где-то и даже совсем недавно слышал. Или давно? Надо порыться в голове. Так… Вспомнил! Месяц назад в администрации области какое-то совещание было и там на трибуне отчитывалась женщина. Ну, конечно, это была госпожа Ромашина из Староуральска. В качестве кого отчитывалась? Не обратил внимание. Но важнее другое: ему показалось лицо знакомым. Надо вспомнить… Думай, старина, думай, напрягись. Это может быть важным… Что-то начинает вырисовываться. Ясно! Это было… Ну, конечно, в тот год, когда он участвовал в расследовании уголовного дела в отношении тамошних бандитов. И не двух или трех, а двух десятков, если не больше. Была ли эта Ромашина в составе банды? Похоже, нет, но… Почему запомнилась? Продолжаем вспоминать… Так, кажется, это была она – Ромашина, та самая, председатель городского отделения партии власти. Но это общественная должность, а кем тогда работала? Только не мэром: им в тот год был мужчина. Вспомнил: занимала скромную должность ведущего специалиста одного из департаментов. Но оказалась нахалкой, каких мало. Однажды, встретившись в коридоре мэрии, стала угрожать. Не знала, видимо, что ему, старшему оперу уголовного розыска ее угрозы как мертвому припарка, что ему бояться некого и нечего, ибо успел повидать всякого: и нападения с ножом, и прицельную стрельбу по нему, и автомобильный наезд, и даже угрозы генерал-лейтенанта милиции Стадникова, уличенного в подленьком дельце. Одним словом, дура-баба. Чем она могла ему угрожать? А тем, что обратится к лидеру партии, вождю и попросит его вмешаться. В чем его, старшего опера была вина? Да ни в чем! Он просто-напросто вышел на одного из бандитов и задержал, а бандит этот оказался активистом той самой партии, которую баба представляет. Она посчитала, что задержанный чист как стеклышко, что наезд «ментов» на активиста есть не что иное, как попытка потрясти его мошну. Как отреагировал? Ухмыльнулся и все. Сам себе удивился. Не стал вступать в полемику. Удержался, хотя очень хотелось поговорить «по душам».

Сидя за столом, детектив рассмеялся и, несмотря на то что был в кабинете один, произнес вслух глубокомысленную тираду:

– Так-то вот, господа хорошие! Только в старости по-настоящему начинаешь понимать все значение сокровищ, хранимых в далеких и глубоких закутках памяти. – Он посмотрел в сторону плотно прикрытых обеих дверей и проворчал. – Досадно, что мудрость не слышала сударыня и оценить, увы, не сможет.

Глава 3

Один за другим потянулись визитёры

Курбатов

На другой день, с утра, когда Фомин не успел сделать еще и пары деловых звонков, ему неожиданно (для него неожиданно, но не для «главной канцеляристки» Галины Анатольевны) нанес визит Курбатов. Увидев его еще в дверях, хозяин офиса вскочил, ногой отшвырнув в сторону руководящее кресло, бросился навстречу визитёру. Обнимая его и похлопывая по спине, повел к полуовальному журнальному столику из орехового дерева, усадил в одно из кресел, а сам уселся в другое. [5]

– Здравствуй, друг!

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, – счастливо улыбаясь, ответил визитёр.

Фомин, нахмурившись, покачал головой.

– Даже так? Уже на «вы»? С каких это пор? И с чем связано? Если мне не изменяет память, давным-давно об этом предмете условились. В Нижнем Тагиле, помнишь?.. Понимаю, что с тех пор многое изменилось…

– Александр Сергеевич, но я…

– Молчи уж… М-да… Орел… Кровь с молоком… Не тот хилый мальчишка… И не тот капитан… Полковник!.. А я… Кто я? Какой-то мужичонка с придорожной обочины. Подполковник, к тому же давно в отставке… Пыль под сапожищами полковника. Чуешь разницу?

Воспользовавшись секундной паузой, Курбатов ответил:

– Нет, не чую.

– Неужто, просиживая штаны в руководящем кресле, прежнее чутьё порастерял? Обидно. Впрочем, власть развращает даже самого хорошего человека, а абсолютная власть развращает абсолютно.

– Вы…

Что хотел сказать Курбатов? Неизвестно. Потому что своим рыком его прервал Фомин.

– Опять?!

Курбатов рассмеялся.

– Ха-ха-ха!

– Что тут смешного?

– Как любил выражаться мой наставник, не опять, а снова. Вижу, не меняетесь… прости, не меняешься, Александр Сергеевич.

– Так-то лучше, – ухмыльнувшись, самодовольно сказал Фомин.

– Меня можно понять. Кто передо мной? Человек с большой буквы – Учитель… Вот и сбиваюсь иногда на «вы»… Понимать мою ситуацию надо.

Фомин, по-прежнему усмехаясь, кивнул.

– Понимаю, а потому и прощаю… на этот раз.

– Спасибо.

---

[5] Традиционно в основу этого детективного романа автором положен судебный очерк. Первоначально текст был опубликован в региональной правовой газете, а затем включен в авторскую книгу «Сквозь призму права», увидевшую свет в сентябре 2017 года.

– Тебе спасибо, что не забываешь старика. Вот… Взял и ненароком заскочил… Порадовал.

– Мимо же ехал. Увидел аршинными буквами написано: частное детективное агентство «ФАС». Дай-ка, думаю, заверну. Годы проходят, а я по-прежнему скучаю.

– Не преувеличиваешь ли?

– Ни на грамм, Александр Сергеевич! Стыжусь…

– Чего, скажи на милость?

– Встречаться редко удается. Обижаешься, наверное.

– Не говори ерунды. Мне ли не знать, какова у тебя работёнка? Адова! Тут не только про друзей забудешь, а перестанешь узнавать мать родную.

– Я и рассчитываю на понимание с вашей… с твоей стороны.

Фомин резко поменял тему.

– Как обстановка на службе?

– Удовлетворительная, Александр Сергеевич. Лучше бы надо, да некуда.

– Начальство наезжает?

– Не то, чтобы наезжает… Но поговорить по душам не с кем.

– А Алёшка Самарин?

– Он же в другом управлении. Видимся редко. Встретишься в коридоре: привет, как дела – и бежишь дальше. [6]

– Свободного времени у каждого из вас – кот наплакал. Но все равно: не стоит рвать дружеские связи. Надо урывать минуты и на личное общение.

– Да, но… Дела эти проклятые…

– Неужели осточертели?

– Да нет, Александр Сергеевич. Это я для красного словца ляпнул. Работу сыщика люблю. Но угнетает, что бумагами заваливают. Живым делом некогда заниматься. Разного рода отчеты и доклады приходится писать по ночам.

Фомин заметил:

– На радость преступности.

Курбатов кивнул.

– Еще и в политику пытаются втянуть. Заместитель начальника главного управления по работе с личным составом с месяц назад намекнул, что не мешало бы мне с партией власти подружиться, что она пришла надолго, что расстановка кадров в ее руках, что о карьере можно забыть, что никогда не выйду на первые роли, если буду так открыто игнорировать «единых».

Фомин кивнул.

– Это мне знакомо… Как говорил незабвенный Премьер-Министр на заре становления новой России, какую бы партию мы ни создавали, а получается одна и та же – КПСС.

– Но это правда!

– Разумеется, Алексей. Все парламентские партии на одно лицо и внутрипартийное строительство одинаковое: внизу быдло, составляющее послушно голосующую серую массу, а наверху – вождь, перечить которому не смеет никто.

Курбатов сказал:

– Я не силен в политике, особо не вникаю, но даже я вижу, что демократией во всех партиях и не пахнет – сплошной волюнтаризм.

– Алексей, но так было и в советское время, которое ты не застал, то есть застал, но тогда, когда еще бегал по детсадовской площадке в коротких штанишках.

---

[6] Имеется в виду в данном случае управление по обеспечению экономической безопасности Главного управления внутренних дел области.

– Но речи, какие слова! Некоторые партийные лидеры, топорща павлиньи хвосты, пытаются кое-как критиковать, но достаточно большому вождю цыкнуть на них и они, поджав хвосты, бегут с покаяниями, падают в ноги, просят прощения, а их фракции в думе потом единодушно голосуют за любой законопроект.

– М-да… – Фомин стукнул по подлокотнику кресла. – Еще Демокрит говорил, что многие, совершающие постыднейшие поступки, говорят прекраснейшие речи.

– Тысячелетия проходят, а народ, по сути, не умнеет. Александр Сергеевич, так хочется сказать правду обо всем, что вижу, но боюсь, что останусь непонятым.

Фомин хмыкнул.

– Опять таки обращаюсь к Демокриту: «Говорить правду надо в том случае, если это лучше, чем смолчать». Так что делай выводы.

– Делаю, поэтому и пытаюсь особо, без крайней нужды не раскрывать рта. Но за Россию обидно…

– Обидно, но это выбор россиян. Народ имеет ту власть, которой заслуживает.

– Ладно… Не будем об этом… Как у тебя, Александр Сергеевич, дела?

– Всё нормально, Алексей.

– Концы с концами удается сводить? Нынче с малым бизнесом, а он, как я понимаю, именно таков, не все в порядке. Тебя, как других, не душат?

– Пусть только попробуют!

– Не переоцениваешь себя?

– Нисколько, Алексей. Все финансовые дела веду так, чтобы и комар носа не смог подточить. Все взаиморасчеты только по безналичке.

– В том числе и за услуги заказчиков?

– Естественно. Перечисляют, согласно заключенному между сторонами соглашению, на расчетный счет в банке. Ты видел мою делопроизводительницу?

Курбатов рассмеялся.

– Видел.

– Вся бухгалтерия – в ее руках. И в этом смысле ничто меня не беспокоит.

Курбатов попробовал возразить:

– Но она педагог, а не финансист.

– Главное – она честный человек.

– Честность важна и нужна, но… В финансовом делопроизводстве столько подводных камней, что налоговики всегда найдут крючочек, за который могут зацепить.

– Уверяю: у меня не найдут! Проверяли, копались, но ушли ни с чем. Да, в первый год моей делопроизводительнице было нелегко. Плюхалась. Но я посоветовал завести дружбу с опытным старорежимным бухгалтером, который на пенсии. Нашла подходящую кандидатуру. Подружилась. И сейчас чуть что, звонит, консультируется. Слушает советы и впитывает. И теперь всякие там дебеты-кредиты от ее зубов отскакивают. Лихая, согласись, сотрудница?

Курбатов снова рассмеялся.

– Согласен. Такие сотрудницы на вес золота. Впрочем, у тебя других и быть не может.

– Не иронизируй, Алёшка!

– Хорошо, не буду. – Помолчав с минуту, спросил. – А с кредитом как? Наверное, висит над тобой как Дамоклов меч.

– Не висит, – самодовольно ответил Фомин.

– То есть?

– Если имеешь в виду кредит, взятый в банке на покупку квартиры под офис, то избавился уже семь лет назад.

– Досрочно погасил кредит?

– А на хрена мне долгосрочный хомут. В нем не чувствуешь себя свободным. Да и неудобно: все время шею трет.

– Понимаю, хотя обычно предприниматели не спешат расплачиваться по кредиту, иногда добиваются отсрочки платежей (это у них называется), ссылаясь на финансовые трудности. *реструктуризацией*

– Трудности? Тогда закрывай лавочку, распродавай собственность и рассчитывайся с банком.

– Справедливо.

– Знаешь, Алексей, у меня была еще одна причина для досрочного закрытия кредита. – Фомин замолчал, очевидно, раздумывал, признаваться в этом или нет. Все-таки продолжил. – Председатель совета директоров банка однажды завел со мной разговор насчет того, что не смогу ли я ему оказать некую услугу. Сразу насторожился.

– В тебе заговорила ищейка.

– Скорее, интуиция.

Курбатов рассмеялся.

– Долго же мне пришлось ждать, когда же ты произнесешь свое коронное слово.

– Увы, Алексей, но интуиция меня пока не подводила. В тот раз – то же.

– Если не секрет, что это была за «услуга»?

– Выслушав, догадался, что меня хотят использовать в качестве дубинки, устрашающей конкурента, то есть другого банкира. Был намек, что кредиторская моя задолженность, если окажу услугу, банком будет списана. Всё стало ясно и я вежливо отказался от участия явно в криминальной разборке.

– Всегда знал, что ты, Александр Сергеевич, большой умник и к тому же необычайно честен. Говорю прописные истины, но куда от них денешься.

– Не преувеличивай мои достоинства, Алексей. Я тебе так скажу – на самом деле прямой путь хорош, но не всегда по силам: жизнь без компромиссов невозможна.

– Понимаю, Александр Сергеевич, какие компромиссы имеешь в виду. – Курбатов, что-то вспомнив, взглянул на наручные часы. – Извини, мне пора: совещание намечено у большого начальства.

Фомин сыронизировал:

– Святое дело для служивого человека.

Курбатов встал. Пропустив на этот раз иронию друга мимо ушей, стал прощаться.

– Если во мне будешь нуждаться, звони в любое время суток.

– Воспользуюсь предложением.

– Без шуток, Александр Сергеевич!

– Какие еще могут быть в кругу друзей шутки?

– Ты знаешь, как я к тебе относился и отношусь… Ты самый дорогой для меня человек – был, есть и будешь.

– Знаю. Верю. И надеюсь. Говорю совершенно серьезно, Алексей.

– До встречи.

– До скорой.

Друзья обнялись. И через минуту в офисе от присутствия друга остались лишь воспоминания. Но воспоминания теплые. У Фомина – это точно.

Заявитель

В половине первого дня делопроизводительница покинула основное рабочее место, сообщив шефу, что ей надо сбегать по личным делам. И шеф на какое-то время остался один. Он распахнул широко обе двери в приемную для того, чтобы, во-первых, знать, если кто-то

из посторонних войдет, во-вторых, чтобы слышать звонки стационарного телефонного аппарата.

Надежды, что дадут спокойно поработать, не увенчались успехом. Будто специально телефон затрещал беспрестанно и шеф только и знал, что бегать в приемную и отвечать. К тому же не всегда звонки были по делу. Недовольно фыркал, однако временные обязанности секретаря, функции которого также лежали на плечах отсутствующей делопроизводительницы, исполнял добросовестно.

Взглянув в окно, Фомин обратил внимание, что в «карман» припарковалась ярко-красная «Ауди», из которой вышел мужчина. Потоптавшись с минуту и поставив машину на сигнализацию, а затем, посмотрев на наручные часы, направился в сторону его офиса. Через минуту Фомин услышал, что входная дверь открылась и кто-то вошел.

– Здравствуйте…

– Проходите! – Крикнул Фомин. – Если хотите раздеться, справа от вас платяной шкаф, – пошутил. -Извините, что не держим швейцара.

В кабинете вскоре появился тот самый мужчина, приехавший на иномарке.

– Имею честь видеть… Александр Сергеевич?

– Он самый, – ответил Фомин и показал рукой на один из стульев. – Да вы присаживайтесь: как говорится, в ногах правды нет.

– Благодарю… Я – Ромашин… Вчера звонил…

– Пришли точь-в-точь.

– Старался… Попал на въезде в Екатеринбург в пробку… Слава Богу, выполз… Успел.

– Уважаю людей слова.

Посетитель развел руками.

– Увы, не всегда получается.

– Итак, – Фомин взглянул на лист бумаги, лежащий справа, – Ромашин Сергей Юрьевич?

– Совершенно верно, Александр Сергеевич.

– Должен вас поставить в известность, что вся беседа с потенциальным клиентом будет записываться видеокамерой. – Мужчина заозирался, пытаясь отыскать устройство. – Камера – слева от меня.

Ромашин смутился.

– А… Без этого… никак?

– Увы, такие наши правила. А что вас смущает?

Ромашин поднял голову, посмотрел в объектив видеокамеры и, по-прежнему смущаясь, ответил:

– Запись может попасть в нехорошие руки.

– Ваши опасения, Сергей Юрьевич, в данном случае беспочвенны.

– Почему?

– Является конфиденциальной тайной агентства, о которой будут знать двое – вы и я.

– И… больше никто?

– Абсолютно. К тому же запись будет сохранена лишь в том случае, если мы заключим сделку и подпишем договор

– А если нет?

Фомин подумал: «Тёртый калач… Мужик осторожничает и поступает правильно».

– В таком случае при вас же вся запись будет стёрта. Останется лишь запись в журнале посещений о том, что вы были на приеме, а о чем шел разговор и какие его итоги – не будет ни слова.

– Ну, если по-другому нельзя…

Фомин перебил:

– Почему «нельзя»? Даже очень можно.

– В каком случае?

– Если вы воспользуетесь услугами другого детективного агентства.

– Нет-нет, Александр Сергеевич! Других – не хочу.

– С чего бы?

– Не доверяю, потому что «тёмные лошадки». Я же не просто так к вам пришел.

– Но вы, Сергей Юрьевич, и мне, как вижу, не доверяете, не так ли?

– Тут другое… Лучше, если как можно меньше наоставляю следов. Мало ли…

– Вы должны понять, что агентство должно иметь фактические доказательства вашего обращения и тех фактов, которые вы будете должны привести. И еще не факт, что я возьмусь за дело.

– По какой причине вы можете отказать?

– Далеко не все дела беру к производству.

– Например?

– Агентство «ФАС», допустим, не занимается слежкой за неверной женой. Обращения есть, но я на берегу отказываю.

– Не понимаю: какая вам разница? Лишь бы клиент заплатил за услугу, а все остальное…

– Этические нормы не позволяют.

– Но принято считать, что деньги – не пахнут.

– Для кого как.

– Это всего лишь пока слова, но во мне почему-то они укрепили доверие к вам.

– Значит?

– Принимаю ваши правила игры.

– То есть, вы не возражаете против видеозаписи?

– Не возражаю.

– Хорошо. Тогда – приступим к разговору по существу.

– Лично я – готов.

– Внимательно слушаю и, пожалуйста, как можно подробнее.

Ромашин рассказал свою, собственно, чрезвычайно короткую историю, а потом с надеждой в голосе спросил:

– Возьметесь?

– Пока, Сергей Юрьевич, не уверен.

– А что мешает?

– Все, что вы рассказали, – до чрезвычайности банально.

– Я этого не считаю. Наоборот…

Фомин кивнул.

– Своя боль – самая непереносимая и кажется страдающему, что все другие люди с подобным никогда не встречались. Пусть оправданный, но все-таки эгоизм.

– Вы – опытнее, мудрее и вам виднее, – ответил Ромашин.

Фомин задал еще несколько уточняющих вопросов, а потом подытожил:

– Я вас понял. В принципе, история не по моему профилю. Уже сказал, что семейными дрязгами не увлекаюсь – противно.

– С чего вы решили, что тут какие-то дрязги?

Фомин оставил вопрос без ответа.

– Во-вторых, у меня есть одно незаконченное дело, а вы, как я понял, хотите, чтобы занялся незамедлительно. Если бы вы согласились подождать, например, пару недель, тогда…

– Для чего ждать? Мне страшно, понимаете, очень страшно! – неожиданно для детектива выкрикнул Ромашин.

– За это время проблема сама собой может рассосаться.

– Догадываюсь, о чем вы: боюсь, этого не случится. Между прочим, как я слышал, розыск наиэффективен, если осуществляется по горячим следам.

– Вы правы. – Фомин вздохнул. – Не знаю, что с вами делать… М-да… – Он с минуту молчал, глядя в окно. – Давайте сделаем так: это дело разобьем на два этапа. И договор заключим пока на осуществление первого этапа.

Ромашин, насторожившись, спросил:

– Что это значит?

– Следующее: я должен буду сначала ответить всего на один-единственный вопрос…

– Какой именно?

– Где в настоящий момент ваша жена? Ответив на него, можно будет заняться и другими вопросами, то есть приступить ко второму этапу, если они, то есть следующие вопросы, сами по себе не отпадут. Не исключено, что вы сами захотите не знать ответы на них.

– А… Какие вопросы второго этапа?

– Простые: что и почему случилось, а также по чьей вине.

– Согласен, Александр Сергеевич.

– Напоминаю, Сергей Юрьевич: детективное агентство – не благотворительная организация, поэтому…

– Повторяю еще раз: я отлично знаю, к кому обратился и чего жду в конечном итоге.

Фомин услышал, что пришла его «главная канцеляристка», поэтому спешно стал заполнять пропущенные графы проекта договора, потом встал и вышел в приемную.

– Галина Анатольевна, внесите, пожалуйста, поправки и заново отпечатайте.

Фомин вернулся и тотчас же из приемной послышались мягкие звуки компьютерной клавиатуры.

– Итак, Сергей Юрьевич, мы заключаем договор для исполнения работ по первому этапу…

Вошла делопроизводительница.

– В проекте договора не указана общая стоимость оказываемых услуг.

– Простите. – Фомин обратился к заявителю. – Пятьдесят тысяч вас устроит?

– Как скажете, – ответил Ромашин.

– Учтите: оплата должна быть произведена не позднее завтрашнего дня и только тогда подписанный нами договор вступит в силу.

Ромашин кивнул.

– Хоть сейчас готов внести наличными. Деньги с собой.

Фомин отрицательно закрутил головой.

– Нет-нет, только по безналу.

– Могу перечислить со своей электронной карты на вашу и на это потребуется не больше часа.

– И этот вариант не подходит…

Вновь появилась делопроизводительница.

– В договоре необходимо указать паспортные данные заказчика услуги.

Ромашин достал из внутреннего кармана паспорт и протянул ей.

– Пожалуйста.

Сотрудница вышла.

Фомин продолжил прерванную фразу:

– Деньги надо перечислить на наш расчетный счет и непосредственно, это желательно, в офисе Сбербанка.

– Ну, на это потребуется больше времени, но гарантирую, что завтра утром деньги будут у вас.

Вновь появилась сотрудница и положила перед Фоминым бумаги.

– Благодарю. – Он встал, прошел к сейфу, открыл, достал оттуда круглую печать и вернулся на место. Просмотрев внимательно текст, чего мог бы и не делать, ибо ни минуты не сомневался в добросовестности единственного подчиненного, потом оба экземпляра договора протянул Ромашину. – Внимательно прочтите и подпишите оба экземпляра.

На это Ромашину хватило и двух минут. Документы вернулись к Фомину. Тот расписался и потом стукнул дважды печатью.

– Ваш экземпляр, Сергей Юрьевич. Прошу.

Ромашин встал, свернул листы договора и положил во внутренний карман куртки.

– Разрешите откланяться… Надеюсь, что все пройдет удачно.

– Можете не сомневаться. Кстати, вы, наверное, не обратили внимания на одно уточнение, содержащееся в подписанном нами договоре.

– Простите?..

– Если услуга по каким-то причинам не будет оказана или оказана, но не в полном объеме, то в этом случае агентство гарантирует полный или частичный возврат оплаченной суммы.

– Это хорошо… Но я бы этого не хотел… Время работает не на нас.

– Пусть нам сопутствует удача, Сергей Юрьевич.

Заявитель вышел.

Фомин подошел к окну. Увидев, как Ромашин садится за руль машины, подумал: «Не собирается ли меня водить за нос? Если даже и собирается, то у него ничего не получится: не на того нарвался».

Хозяин вернулся к столу, взял подписанный сторонами договор, положил в сейф и закрыл.

Прошел в приемную.

– Не пора ли, сударыня, по домам? Время уже. Тем более, что мне завтра рано вставать.

– Едешь в Староуральск?

– Еду, сударыня, еду. Обязательства надо выполнять.

– Не горит.

– Это вам так кажется, Галина Анатольевна…

Глава 4

Встречи в Староуральске

Нравы

Детектив бодренько, будто ему тридцать, а не пятьдесят пять, взбежал по ступенькам крыльца, высоко вздымавшегося над землей, и остановился на верхней площадке; подняв голову вверх, недовольно пробурчал:

– Хмурится…

Уральское небо, в самом деле, пугающе плотно затянуто чернотой, от чего полдень стал похож на сумерки; а внизу волнами бежали снежные вихри, тотчас же скрывавшие человеческие следы.

Постучав нога о ногу, чтобы сбить налипший снег, потянул на себя дверь и вошел внутрь. Дверь за ним медленно стала закрываться. Оглянувшись, вновь (по-прежнему односложно) то ли всерьез, то ли иронично пробурчал:

– Цивилизация…

Осмотревшись, заключил обратное:

– Без перемен…

Фомин не был здесь много лет, однако всё узнаваемо: вон, на боковой стене написано «», а чуть ниже окошечко, напоминающее амбразуру неприятельского дота. Подошел. Увидев, что сидящий за амбразурой мужик, не обращает на него никакого внимания, козонком постучал по стеклу. Не сразу, но чья-то рука открыла створку. И он услышал того, который, продолжая перебирать папки, не глядя на него, спросил: *дежурная часть*

– Чё надо?

Вопрос, конечно, интересный, поэтому вынудил Фомина саркастически заметить:

– Забаррикадировались. От кого? От законопослушных граждан или от тех, с кем по чину положено сражаться в чистом поле и лицом к лицу?

Тамошний мужик скривился. Скорее всего, подумал Фомин, его юмор здесь не понят.

– Поговори мне, а то ведь… – презрительно сказал мужик и сплюнул под ноги.

– А что, интересно?..

В этот момент за спиной услышал командирский бас:

– В чем дело?!

Фомин обернулся: там стоял офицер полиции с одутловатым лицом, с синюшными мешками под глазами и откровенно выпирающим из-под полушубка брюшком.

– Да вот…

Хотел объяснить ситуацию, но тот не дал. На его обвислых щека появилась благожелательная улыбка, и он воскликнул:

– Ба, товарищ подполковник?! Каким ветром к нам занесло?

Фомин пожал плечами.

– Попутным… С востока же дует.

Офицер рассмеялся.

– Ха-ха-ха! Не изменились совсем… По-прежнему шутите.

– Ну, какие тут шутки? Вы – на западе, а я прибыл с востока.

Офицер согнал с лица улыбку.

– Хорошо-хорошо… Так в чем дело? У вас какие-то проблемы?

Фомин растерянно развел руками.

– Собственно, нет никаких проблем… Пришел, хотел, как обычный клиент, пообщаться с вашим человеком, а он… Стал грубить… И, знаете, прозвучало что-то, смахивающее даже на угрозу.

– Вот даже как? Он угрожает? Сейчас посмотрим. – Офицер буквально зарычал. – Лейтенант, сюда!

И пары секунд не прошло, как тот самый мужик, бледный и трепещущий как осиновый лист на слабом ветру, стоял перед разгневанным офицером, который буровил того ледяным взглядом. Фомин понял, что грозный командир откуда-то его, Фомина, знает, а весь гнев напускной, притворный: кто-кто, а Фомин на службе повидал подобного сорта офицеров и видел без всякого рентгена их насквозь. К тому же порядки, при которых всякий переступающий порог полиции изначально нелюдь, заведены не лейтенантом, а людьми куда выше его по чину, а потому грубость и хамство издавна укоренены, стали общим местом. Идут годы и десятилетия, а нравы не меняются. Эти нравы, похоже, всем нравятся и мало кто на подобное отношение реагирует. Фомин помнит рожденный афоризм еще в разгар строительства развитого социализма, который звучал: . Особенно подобное укоренилось и расцвело буйным цветом в силовых структурах, особенно в органах внутренних дел, что особенно огорчало и огорчает Фомина. *ты начальник – я дурак; я начальник – ты дурак*

Командир, статус которого Фомину пока не ясен, с рычания перешел почти на шепот.

– Ты такой крутой, да?.. Кому угрожаешь?.. Собрату по службе угрожаешь?.. Встретил бы ты, мозгляк, этого подполковника лет двадцать назад, то имел бы такой вид, что мать родная тебя не узнала бы.

Фомин ухмыльнулся.

– Но я и сейчас еще ничего… Могу, если понадобится поучить борзого идиота. Конечно, весовая категория сейчас иная, чуть-чуть за сто кило всего лишь перевалил, однако… Все еще в силе.

– Товарищ полковник… я… ну…

Мужик, наверное, хотел оправдаться, но начальство этого сделать не дало.

– Молчать, щенок! – В фойе вновь послышался грозный рык. – К концу дня – на стол объяснительную, а я подумаю, что с тобой сделать.

– Слушаюсь. Разрешите идти?

– Пошел вон, болван!

Полковник плюнул под ноги и повернулся к Фомину.

– Прошу ко мне… Посидим, вспомним былое. Надеюсь, найдете несколько минут в своем плотном графике?

Фомин, кивнув, пошел в след за полковником. Поднявшись на второй этаж, вошли в помещение, на двери которого не было никакой таблички. Перед ним сидели, уткнувшись симпатичными носиками в монитор компьютера, за барьером две девицы, слева – дубовая дверь. Полковник повернул к двери, что направо. Фомин боковым зрением заметил рядом с дверью, на стене табличку: «Начальник управления П. М. Молчанов».

Хозяин кабинета распахнул обе входные двери и, отступив чуть-чуть в сторону, широким жестом пригласил Фомина войти, потом, вернувшись в приемную, девицам сказал:

– Меня ни для кого нет.

Послышался миленький голосочек, переспросивший:

– Ни для кого?

– Непонятно выразился?

– Извините.

Вернувшись и прикрыв плотно обе входные двери, стал раздеваться и вешать полушубок и шапку в шкаф, вделанный глубоко в стену. Потом пригласил жестом и гостя:

– Прошу, товарищ подполковник!

«Товарищу подполковнику» не оставалось ничего иного, как сделать то же самое.

Слева, возле огромного окна стоял журнальный столик, поверхность которого была из светло-голубого стекла, а с той и другой сторон стояли глубокие импортные кресла в чехлах из голубого велюра.

– Присаживайтесь, – пригласил хозяин.

Гость присел и утонул в кресле.

– Удобно, – сказал гость.

Хозяин поинтересовался:

– Может, чашечку горячего кофейку?

Фомин отрицательно мотнул головой.

– Не стоит.

– А что, если чего-нибудь покрепче? Например, коньячку? У меня – крымский, семилетней выдержки, отличный напиток. Не сопоставим ни с грузинским, ни с молдавским.

Фомин вновь отрицательно мотнул головой.

– Тем более.

– Очень жаль, товарищ подполковник. – Хозяин устроился в другое кресло и протянул вперед ноги, положив их одну на другую. – Давно, – хозяин вздохнул и покачал начисто облысевшей головой, – не встречались… Сколько же лет прошло? Не меньше, пожалуй, пятнадцати.

– Простите, а мы разве встречались когда-либо?

– Ну… как же?! Неужели забыли? Помните, грандиозное уголовное дело, по которому проходило не меньше, если мне не изменяет память, двадцати подонков, активных членов нашего организованного преступного сообщества? Вы, между прочим, тогда показали образцовую сыскную работу. Нет-нет, забыть вы не могли.

– Если вы имеете в виду так называемую «школу олимпийского резерва» и главаря… [7]

– Именно так!

– Ту работу помню… Как не помнить… Полгода без малого пахали староуральскую землю… Выпахали кого следовало, вывернули наизнанку…

– Блестящая работа, я вам скажу. Я своим оперативникам часто привожу в пример вашу работу.

Фомин усмехнулся.

– Не преувеличивайте. Работа как работа… Ничего особенного. Да, те оперативно-розыскные мероприятия помню, но вас, извините… Запамятовал… Не обижайтесь только, ладно?

– Не вопрос, товарищ подполковник. Кто я и кто вы? Я – тогдашняя зелень, только-только выпустился из Нижнетагильской школы милиции, какой-то лейтенантик, писавший на первый снег, а вы… О, вы были асом сыска. Нам еще на занятиях часто рассказывали, как вы в Нижнем Тагиле разворошили и уничтожили опасное «осиное гнездо». [8]

Фомин покраснел. Отрицательно замотав головой, сказал:

– Если речь идет об ОПС «Высокогорье» и тамошнем пахане Курдюкове, то там много людей работало – и следователей, и оперативников… Я один из них… Всего-то…

– Не скромничайте. А на кого тогда покушались? Кто, если не вы, лишь по счастливому стечению обстоятельств остались живы?

---

[7] Уголовное дело, о котором идет речь, положено в основу судебного очерка «Банда, которой все нипочём». Текст опубликован в региональной газете «Криминальное обозрение», а впоследствии автором был включен в публицистический сборник «Сквозь призму права». Книга эта увидела свет в сентябре 2017 года.

[8] Этому посвящен детективный роман «Плата за свободу», опубликованный отдельной книгой в одном из российских издательств в 2015 году.

– Позвольте уточнить… «Счастливое стечение обстоятельств» в той ситуации ни при чем: жив остался благодаря сообразительности, ловкости и отваге капитана Курбатова.

– Постойте-ка: это не тот ли Курбатов, который в настоящее время в должности заместителя начальника уголовного розыска Главного управления внутренних дел области?

Фомин усмехнулся.

– Он, паршивец, он… Карьеру делает только так… Не успеваю следить… Вроде, еще вчера был майором, а сегодня уже на погонах имеет три звезды, как и вы… Шустрый Алёшка, до ужаса шустрый.

Полковник Молчанов кивнул.

– Скорее всего, «мохнатую лапу» заимел в верхах. Кто-то двигает.

Фомин, демонстрируя недовольство, скривился.

– Чепуха! Чрезвычайно умен, поэтому и растет.

– В наше время только лишь на уме далеко не уедешь.

– Считайте, что тут налицо исключение из правила.

– А вот о вас, господин подполковник, слышал…

Фомин прервал и довольно резко:

– Знаю-знаю: в неудачниках ходил, поэтому за четверть века службы еле-еле докарабкался до двух звезд. Хотя… Моя проблема другая: неучем остался. Поленился, в отличие от других, пойти хотя бы в Высшую школу милиции. Застрял на среднем образовательном уровне. Мы, русские, как сказал один классик, ленивы и не любопытны… Я не сожалею. Потому что начальства из меня, даже став академиком, все равно бы не вышло. [9]

– Почему?

– Как выразился советский классик, рожденный ползать – летать не может. – Фомин взглянул в окно, где метель, похоже, не только не стихает, а даже набирает обороты. – Так-то вот.

Молчанов неожиданно спросил:

– А знаете, по какой причине я вас запомнил?

– Интересно.

– Потому что вы меня, тогдашнего сосунка, осадили, поставили на место.

– Извините, бываю иногда грубоват. Обиделись, наверное?

– Ну, что вы! Благодарен за преподанный урок. Вы были правы: проявил высокомерие, за что и получил щелчок по носу.

– Язык мой – враг мой. Талдычу эту банальность всю жизнь, однако…

– Хорошо, не будем об этом. – Молчанов также взглянул в окно. – Кстати, господин подполковник…

Долго крепился Фомин, но все-таки не стерпел и, прервав собеседника, поправил:

– Был подполковник, да весь вышел.

– Вот как?

– Как только отсчитало положенное время на моих часах, так написал рапорт.

– А я не слышал.

– Не могли слышать: невесть какое событие для области. Таких, как я, тысячи.

– И… давно в отставке?

– Десять лет.

– Боже, как время летит!.. Я было подумал, не видя вас, что теперь проходите по другому ведомству.

– Я – вольный человек, как та птица, которая летает, где хочет и куда хочет.

Молчанов покачал головой.

---

[9] Академиками с давних пор Фомин называет тех, кто закончил местную юридическую академию.

– Не верю, что вы можете тратить время на копание в дачных грядках.

– Правильно. Не хватало еще, чтобы я рвал сорняки, что-то там окучивал или подрезал – это не мое.

– Теперь времени свободного много и… чем же занимаетесь?

– Тем же самым, что и прежде.

– Не понимаю…

– Открыл в Екатеринбурге частное детективное агентство.

– И… есть спрос на ваши услуги?

– Немалый. Кстати, к вам заглянул не ради праздного любопытства.

– Я так и понял. Слушаю…

– Во-первых, решил по прибытии на вверенную вам территорию представиться.

– Разве это обязательно?

– Необязательно, но для себя посчитал желательным. Могут пойти слухи, дойдут до вашего управления и… В общем, сами понимаете.

– С трудом, – полковник полиции теперь уже натянуто ухмыльнулся, – но понимаю.

– Во-вторых, – продолжил Фомин, – располагаю информацией, что два дня назад в управление обращался некто… м-м-м, – Фомин сделал вид, что затруднительно вспоминает, – Ромашин…

Начальник управления, услышав фамилию, смутился, возможно, по этой причине перебил:

– Если не секрет, по какому поводу?

– Приходил, чтобы оставить заявление об исчезновении жены.

Молчанов опять-таки искусственно улыбнулся, что не прошло незамеченным. Фомин подумал: «С каждой минутой благожелательность с лица полковника исчезает».

– Могу предположить, какой ответ получил от оперативного дежурного.

– Хорошо, что для вас не новость: это избавляет меня от лишних слов.

Молчанов, насупившись, довольно сухо спросил:

– Чем могу помочь?

– О, сущий пустяк: мне бы убедиться по журналу регистрации, что названный гражданин действительно обращался.

– И только-то?

– Да. Пока больше ничего.

– М-да, – хозяин кабинета застучал пальцами по стеклянной столешнице, – в наших делах вы не новичок и понимаете, что названный вами журнал для служебного пользования и по требованию каждого посетителя…

Фомин прервал; изобразив на лице неподдельное огорчение, вздохнул.

– Понимаю вас… Что ж, придется с этой пустяковой просьбой письменно обращаться в Главное управление внутренних дел, чтобы полковник Курбатов запросил от вас необходимые сведения. Жаль, что потеряю драгоценное время, но выбора у меня нет.

Фомин встал и направился к шкафу, где находились его полушубок, шапка и шарф.

Хозяин кабинета также встал.

– Извините, товарищ подполковник…

Фомин обернулся.

– Не товарищ подполковник, который когда-то поставил вас на место, а всего-то частный детектив Фомин Александр Сергеевич.

– Извините, Александр Сергеевич, но я подумал вот о чем: голову не снимут, если я отойду от правила, не так ли?

– Согласен: голову не снимут. В худшем случае, пожурят немного.

– Ну, к этому мне не привыкать. – Фомин стоял одетым и держался за дверную ручку. – Пойдемте, Александр Сергеевич.

Они спустились на первый этаж и вошли в дежурную часть.

– Лейтенант, – сказал, хмурясь, начальник управления, – покажите гражданину… нет, товарищу… Фомину Александру Сергеевичу журнал регистрации обращений граждан…

– Товарищ полковник, но по инструкции…

Товарищ полковник совсем не по-товарищески заорал:

– Молчать!

– Извините. – Он повернулся к Фомину. – За какое число?

Фомин ответил:

– Сегодня девятое декабря, стало быть, мне надо за седьмое число.

Лейтенант, перелистнув несколько страниц, спросил:

– Вам распечатать?

– Не надо.

– Секундное дело, Александр Сергеевич.

– Не надо.

Фомин быстро отыскал нужную запись и вернул журнал назад.

– Благодарю, лейтенант.

– Александр Сергеевич, – обратился начальник управления, – вы, как мне показалось, не обратили внимание, какое решение было принято по обращению.

– Непринципиально… пока.

Ответив, Фомин вышел из дежурной части и направился к выходу. Следом шел Молчанов. Фомин уже взявшись за ручку, обернулся.

– Благодарю за содействие.

– Извините, Александр Сергеевич, но у того Ромашина какое имя и отчество?

Глупее вопроса Фомину, наверное, не приходилось слышать. Чтобы узнать имя и отчество, совсем не надо обращаться к гостю, а достаточно посмотреть в журнале регистрации: это-то данные там есть. Однако Фомин, несмотря ни на что, ответил:

– Ромашин Сергей Юрьевич.

Молчанов побледнел и в ужасе воскликнул:

– Боже, но это же сын главы администрации города!.. И мы… Проявили формализм… Вот тут-то мне не сносить головы. Ольга Валерьяновна мне не простит, нет, не простит.

Фомин, саркастически ухмыльнувшись, сказал:

– Не трепещите перед начальством: оно не настолько опасно, как вам кажется.

Не подавая руки, Фомин вышел на улицу. И только тут, поёживаясь от порывов холодного ветра, подумал: «Вот! Опять распустил свой длиннющий язычок! А мне ведь с ним еще не раз придется пересечься. Поганец не преминет подгадить. Страшен не сам человек, а его язык, беспрестанно источающий яд… Мне это надо?»

Помощник

Хмыкнув и для чего-то притопнув правой ногой, достал из полушубка сотовый телефон (долго упирался, игнорируя эти новомодные, как он любит выражаться, штучки-дрючки, но сдался-таки, когда получил в подарок на пятидесятилетие; в самом деле, подумал он, дарёному коню в зубы не смотрят, особенно, если подарок от человека, которого бесконечно ценит) и набрал номер. Звучал звонок, но никто не откликался. Хотел было уже звонок прервать, но…

– Слушаю!

– Привет! Надеюсь, не успел забыть?

– Какое там!..

Не давая собеседнику разговориться, Фомин прервал:

– Я – в городе. Нуждаюсь в randevu. Прямо сейчас. [10]

– Где? – Спросил собеседник.

– Напротив тебя… В кафе «Уральское»… Жду…

– Лечу, – ответил собеседник и отключился.

Фомин подумал: «Знает, чертяга, что по пустякам не тревожу, вот и…»

Он, войдя в кафе и оценив обстановку, удивился: оказывается, в отличие от прежних времен, нынче здесь самообслуживание. Подошел к стойке, изучив меню и блюда, выставленные на раздаче, взял два вторых (котлеты по-демидовски с жареным картофелем-фри, выглядевшим довольно аппетитно), по кусочку им любимого ржаного хлеба и по чашечке горячего кофе без сливок. Поставив на разнос и уплатив на кассе, пошел в дальний конец обеденного зала, выбрав столик на двоих, в притык к большому окну, сквозь которое видна была площадь, в глубине ее, за фонтаном, который на зиму был отключен, помпезно смотрелся Дворец культуры трубного завода, а слева – серое пятиэтажное здание администрации города, где когда-то размещался штаб коммунистов города, справа же – жилой дом (хрущёвка), на первом этаже которого несколько квартир занимала и занимает редакция газеты «Городские известия».

Расставляя на столике кушанья, Фомин подумал: «Без перемен. Вид тот же, что и тридцать лет назад. разве что на фронтоне серого здания нет неизменного партийного лозунга: ». *ленинским курсом вперед к победе коммунизма*

Открылась дверь и вместе с клубами морозного воздуха вошел молодой стройный и высокий мужчина в новомодных очках. Окинув взглядом зал, направился в сторону Фомина.

– День добрый.

– Должно быть, добрый, – улыбчиво ответил Фомин и рукой показал на стул. – Присаживайся. Надеюсь, не успел пообедать?

– Н-нет, Александр Сергеевич.

– Вот и отлично. Сообща чуть-чуть потрапезничаем. И, – он окинул взглядом пустовавшие соседние столики, – поговорим.

Взяв вилку и приготовившись к началу трапезы, молодой мужчина спросил:

– Насчет чего, Александр Сергеевич?

– Возникла снова в тебе нужда, точнее, в твоем остром и правдивом пере. Не притупилось ли оно?

Мужчина отреагировал вопросом на вопрос:

– А если конкретнее?

Фомин в двух словах познакомил с ситуацией, из-за которой он оказался в городе. Его собеседник слушал настолько внимательно, что, позабыв про еду, отложил в сторону вилку.

Фомин подумал: «Если не ошибаюсь, зацепил». Вслух же сказал:

– Ешь-ешь, а то котлета остынет и утратит свой специфический вкус.

Тот, отрезав от котлеты кусочек, зацепив вилкой, отправил в рот, став медленно пережевывать.

– Значит, Ромашин… Сыночек любимый… Принц наш… Понимаю свою задачу, но на этот раз вряд ли смогу эффективно вам помочь.

– Это еще почему?

– Проблема – в шефине.

– На ножах? – Спросил Фомин.

– Не то, чтобы…

– Понятно: отношения все-таки – ни к черту.

– Отношения, можно сказать, никакие.

---

[10] Randevu (фр.) – свидание.

– Как это?

– Ни хорошие, ни плохие… Дает задание – выполняю… Так сказать, левой пяткой… Ну, как все в коллективе… А чтобы что-нибудь острое, задеть кого-нибудь за живое – ни под каким соусом. Тут же… Принц… Нам шефиня строго-настрого запретила даже упоминать его имя. Как, впрочем, и имя его маменьки… Ни каких намеков по части ее… Только хвалебное – это приветствуется… Тут коллеги, стараясь выслужиться, лихачат напропалую.

– А ты?

– Увиливаю.

– Удается?

– Вроде бы.

– Неужели вообще ничего критического?

– Почему? Критика есть. И даже беспощадная… Если госпожа градоначальница точит зуб на кого-либо. Наша шефиня, то есть редакторша, нос держит по ветру, в коридорах городской власти ориентируется прекрасно, поэтому бьет безошибочно. Что там говорить? Профессионалка, поэтому и держат ее уже много лет. Под ней вряд ли когда-либо зашатается стул – не допустит. [11]

Фомин покачал головой.

– Ну и атмосфера!

– Александр Сергеевич! Ну что вы в самом деле? С Луны свалились, что ли?

– Нет, не с Луны.

– Наша «атмосфера» ровно та же, что и везде. Давно уже. Цензурного комитета нет, а рты нам намертво заткнуты. Есть одно мнение, а все другие – вредные для страны. И вопят со всех сторон: не надо раскачивать лодку; долой, мол, агентов иностранного влияния. Ярлыки-то приклеивают пострашнее, чем в советское время.

Фомин покачал головой.

– Не все… Есть и те, которые пытаются противостоять.

– И кто же, Александр Сергеевич?

– Знаю таких, – упрямо повторил Фомин.

– Кажется, догадываюсь, кого вы имеете в виду, но и там ведь не все гладко.

Фомин, нахмурившись, спросил:

– Ты о чем?

– Про газету, на которую вы намекаете.

– И что с этой газетой? Выходила и выходит, а другого ничего и не надо.

– Потихоньку душат.

– Не понимаю: как это возможно?

– Попробую раскрыть вам глаза, а для этого приведу конкретный пример. Не думаю, что вы забыли громкую криминальную историю, поскольку вы лично были задействованы. Потом был опубликован откровенный судебный очерк, который назывался, если мне не изменяет память, «Банда, которой все нипочем».

– Все равно не понимаю: там был чистейшей воды криминал и никаким боком не касался политики или вашей власти. Та история была о том, что одни бандиты запросто «мочили» других бандитов. Вот и все.

– Все да не все, Александр Сергеевич. Видеть надо было, как в коридорах власти плевались по адресу газеты и того очерка.

– И пусть! Собака лает, ветер носит, а караван все-таки идет своей дорогой.

[11] Фомин обратил внимание, что горожане любят именно так, с долей сарказма обычно называть хозяйку города.

– Наивный вы человек, Александр Сергеевич! Газета вот-вот будет задушена. Дело к этому идет. Газета распространяется только в розницу. Что надо сделать, чтобы задушить? Надо, чтобы перекрыть доступ к читателю.

– Но это невозможно.

– Власть нынешняя все может! Возвращаюсь к тому очерку, о котором говорил. После его появления в отделение «Роспечати» позвонил некто и от имени мэра попросил впредь не брать газету на реализацию. Вот и все. С тех пор издание не продается в наших киосках. Не потому ли, в частности, тираж катастрофически падает?

– Сволочи! – Воскликнул Фомин и даже топнул ногой.

Собеседник рассмеялся.

– Еще те сволочи.

– Хорошо… Оставим это… До других времен.

– Наступят ли?

– Я – оптимист.

– Значит, вы плохо информированы, – мужчина вновь рассмеялся. – Потому что… Кто такой пессимист? А это хорошо информированный оптимист. Старая шутка, но в ней глубокий смысл.

– Пусть будет так… Ты мне не сказал, готов ли к сотрудничеству со мной.

– Готов… Только будет ли польза?

– Поверь, будет. Обещаю. А ты уже знаешь, что свои обещания я выполняю.

После того, как обсудили детали совместных действий, в кармане собеседника зазвонил телефон. Он вынул.

– Да, это я… И что?.. Имею я право пообедать или нет?.. Скоро буду.

– Шефиня? – сочувственно спросил Фомин.

– Она… Достала уже!

Допив остывший кофе, мужчина встал. Взглянув в окно, пробурчал:

– Вот и он нарисовался.

– Ты про кого?

– К администрации подкатил на «Мерсе» главный полицейский начальник. Вы с ним знакомы?

– Шапочно, но знаком.

– Еще один жополиз. Верный слуга хозяйки, готов беспрекословно выполнить ее волю. – Фомин нарочно выразил сомнение. Собеседник грустно усмехнулся. – Уж я-то это хорошо знаю.

Собеседник убежал, а Фомин остался сидеть за столиком. Он задумался. О чем? А о том, что только что услышал от своего знакомого, его последние слова насторожили. В голове – рой мыслей. И главная из них: не связан ли визит начальника управления с ним; неужели помчался докладывать?

Фомин решил: не исключено. Конечно, для него это не представляет никакой угрозы. Пройдет пару суток и он все сделает, чтобы общественность узнала, чем он занят сейчас. Не всё, разумеется, а лишь то, что необходимо ему. Его интуиция, которой бесконечно гордится, подсказывает: будут проблемы с властью. Может, он как та пуганая ворона, которая каждого куста боится? Ведь факт: он выполняет личное желание сына главы администрации. Нет, он перестраховывается. Кто, как не свекровь должна быть и, наверняка, является, самым заинтересованным лицом в этой истории? Пусть так, но все равно: зачем прежде времени дразнить гусей? Он встал и вышел на улицу. Подождав на остановке автобуса, уехал на автовокзал, где купил билет до Екатеринбурга. Через час с небольшим уже был у себя, то есть в офисе детективного агентства «ФАС».

Глава 5

Детектив избирает наступательные позиции

Муравьев

С утра, хорошенько подумав и взвесив все имеющиеся на сегодняшнее утро сведения, Фомин решил, не заходя в офис, ибо в этом крайней нужды не видел, в первоочередном порядке нанести визит в редакцию единственной в области частной и независимой правовой газеты, с журналистами которой знаком давно, сотрудничает, как он считает, весьма-таки плодотворно. Цель визита? Как и прежде. Фомин надеется, что и в этот раз найдет общий язык, прежде всего, с главным редактором и получит оперативную поддержку со стороны инструмента гласности. Не стал, понадеявшись на удачу, звонить. Понимает, что поступает не совсем прилично (нагрянув внезапно, поставит журналистов в неудобное положение, помешает их планам, тем более, что и сам этого не любит), однако… Надеется, что его там поймут и, возможно, отнесутся к нему более-менее снисходительно.

Войдя, увидел пустую комнату и светящиеся на письменных столах мониторы довольно стареньких компьютеров. Он подумал: «Все в разгоне». Он помнит расхожую поговорку среди газетчиков, как, впрочем, нравится она и ему: волка – ноги кормят.

Слава Богу, главный редактор оказался на месте, то есть в своем кабинете. Он сидел и близоруко набивал какой-то текст. Краем уха Фомин раньше слышал от подчиненных, что их руководитель пишет не меньше их и мотается по области не реже их. Труженик, а, значит, близок по духу Фомину. Противны ему начальники, способные лишь раздавать (подчас, довольно глупые) налево и направо «ЦУ». Их роднит и другое: нетерпимость к неправде, к любой фальши, а того и другого в обществе хоть отбавляй. Главный редактор не умеет лицемерить; Фомин когда-то, чтобы лишний раз не дразнить гусей, пробовал, но однажды ему сказали в глаза – что плохо получается, того и не надо делать. Фомин возразил: многого не умею, вынужден учиться. В ответ услышал: лицемерие – это привычка, но она подвластна не каждому. Подумал. Перестал, И рад очень. На душе стало куда спокойнее.

Фомин еще в дверях произнес:

– Доброе утро, Георгий Иннокентьевич.

Муравьев оторвался от монитора, поправив сползшиеся с мясистого носа очки, сказал:

– А-а-а… Александр Сергеевич… Лучший сыщик всех времен и народов… Проходите, присаживайтесь… Рад видеть.

Фомин, устраиваясь на стуле поудобнее, мог и пропустить мимо ушей подобного рода иронию, но это оказалось выше его сил. Он, улыбнувшись, возразил:

– Насчет «лучшего сыщика», а тем более «всех времен и народов», Георгий Иннокентьевич, – это не просто преувеличение, а просто-таки чудовищное преувеличение.

Муравьев рассмеялся.

– Ха-ха-ха! – Фомин увидел на его щеках появившиеся две выразительных ямочки. – Хотел польстить… Не получилось… Извините.

Фомин отрицательно мотнул головой.

– Пустое… Это вы меня извините, что пришел без предварительного согласования и… Видите, прервал творческий процесс… Некрасиво с моей стороны.

Муравьев посерьезнел.

– К чему церемонии? Оставим их. Всякий журналист априори должен радоваться каждому посетителю.

– Далеко не всякий, – поспешил возразить сыщик.

– Возможно, но в таком случае – это не журналист, а формалист-чиновник, случайно оказавшийся в редакции газеты или журнала. Как увижу, так я от таких избавляюсь, несмотря на возможные творческие способности человека.

Фомин кивнул.

– Как выражается современная молодежь, стопудово я на вашей стороне.

Кивнув в сторону электрочайника, стоящего на подоконнике, Муравьев спросил:

– Кофейку не желаете?

– Благодарю, но я только что из дома, где этим напитком заправился под завязку.

– У вас чистая и образная речь. От природы или?..

Фомин, непонятно по какой причине застыдившись, покраснел и опустил глаза.

– Я, как и все мои сверстники и коллеги по службе, был чудовищно косноязычен, а потом… Стал работать над собой. Вдобавок, большая заслуга супруги…

Муравьев прервал:

– Да-да, я знаком с Галиной Анатольевной… Чуть-чуть, но знаком… Насколько помню, работает в школе преподавателем русской словесности. Передайте от меня привет и мою благодарность за то, что помогла мужу избавиться от косноязычия.

– Передам… Она будет польщена. Но, Георгий Иннокентьевич, жена ушла из школы.

– Вот как? А что случилось? Конфликт с директором?

– И это, конечно, было. Но главное в другом: она выработала педагогический стаж и, согласно закону, получила право выйти на пенсию.

– Получается, летом редиску на участке пропалывает, а зимой нянчит внуков?

– Оба ваши выстрела – мимо.

– Интересно.

– Для начала – у нас никогда не было и нет садового участка. Во-вторых, сыну двадцать два года, заканчивает Уральский федеральный университет, пока, хотя имеет подружку-однокурсницу, не женат. А вот дочурке – рано еще думать о замужестве и детях.

Муравьев вздохнул и почему-то нахмурился.

– У меня внук есть, но… Не будем об этом… Итак, супруга на отдыхе?

Фомин усмехнулся.

– Да, если то, чем занята жена, можно назвать отдыхом

– Простите, а чем она занимается?

– «Главная канцеляристка» и соответственно…

– То есть начальник канцелярии, но при ком?

Фомин рассмеялся.

– Вы не поверите, при мне… На семейном совете решили, что наилучший вариант, если Галина Анатольевна взвалит на свои худенькие плечи делопроизводство детективного агентства, а также финансовую часть. Кому, как не жене, доверить все это? Не хотелось сидеть все время как на пороховой бочке. Вот и…

Муравьев кивнул.

– Мудрое решение.

– По прошествии времени я так же считаю. Она, как оказалось, не только ответственная делопроизводительница и все документы содержит в порядке, но и закоренелая экономистка, у которой в мороз льда не выпросишь. Шутка, конечно, но она недалека от правды.

– Теперь понимаю, с кем разговаривал, когда звонил вам.

– Галина Анатольевна – это мое второе «я».

Муравьев прислушался: понял, что кто-то из газетчиков вернулся с задания. Он спросил Фомина:

– Вы пришли, конечно, не для того, чтобы со мной поболтать, ведь так?

– Совершенно верно. Есть дело, которое и вынудило без согласования навестить вас. Куда нынче без вас, носителей гласности?

Муравьев вновь рассмеялся.

– Знаю я вас, Александр Сергеевич. По опыту прошлых лет, смею утверждать: ваше, как прожженного сыщика, представление о гласности, своеобразно. Половинчатое. Вы всегда, приходя ко мне, хотите ненавязчиво допустить некоторую утечку информации, той части, с которой вы хотите поделиться с обществом. И не более того.

– Возможно.

– Для чего вам? Не знаю.

– Очень мне надо, Георгий Иннокентьевич.

– Возьму смелость предположить: а) хотите дезориентировать потенциального противника и навести его на ложный след; б) пытаетесь успокоить, как своих коллег, так и представителей власти, чтобы те успокоились и по вашей части, как выражается современная молодежь, не заморачивались, не путались под ногами, не мешали.

– Разуверять вас не буду. Не стану и подтверждать. Вы – умный человек и поймете сами. Уверен лишь в одном: для рейтинга газеты, которую вы издаете, моя информация, должно быть, полезна. То есть мы имеем обоюдную пользу.

– Согласен. Итак, в чем конкретно будет заключаться наша помощь?

Фомин подробно (в той мере, в какой это необходимо главному редактору) изложил дело, за расследование которого он сейчас взялся.

Муравьев внимательно слушал и кивал в знак согласия.

Они быстро договорились обо всем.

Фомин, встав со стула, достал из папки лист бумаги с небольшим текстом, протянул в сторону главного редактора.

– Вторая полоса вашей газеты обычно выходит под общим заголовком «Что? Где? Когда?» Вот там, среди прочих заметок, в первом же номере прошу опубликовать.

Муравьев пробежал напечатанное и кивнул.

– Практически, не нуждается в литературном редактировании. Только первую строку следует начать так: «Как редакции сообщил доверенный источник…»

– Не возражаю. Если вас правильно понял, в ближайшем же номере?..

– Проблема в том, что номер полностью сверстан и находится в типографии. Через несколько часов я должен буду подписать «». *в печать*

– Надеюсь, найдете для меня чуть-чуть местечка?..

– Найти можно, но… Неужели так горячо, что не может подождать выхода следующего номера?

– Через неделю? Но это невозможно!

– Вот даже как…

– Умоляю, Георгий Иннокентьевич, сделайте что-нибудь!

– Хорошо. Процесс затяну. Заметку возьму с собой. И там… Досылом…

– А… Место найдется? – Вопрос прозвучал глупо и неуместно.

Муравьев кивнул.

– Придется снять с полосы одну из заметок и на ее место…

Фомин просиял.

– Вот хорошо! Спасибо вам, Георгий Иннокентьевич… Век не забуду. До свидания.

Фомин направился к двери, но главный редактор остановил:

– Но в следующий раз, пожалуйста, доставляйте информацию заранее, как минимум, за пять дней до выхода номера.

– Торжественно клянусь, что так и будет!

– Кстати, Александр Сергеевич. Почему вы сотрудничаете с нами? Ведь немало других газет.

Фомин хмыкнул и также спросил:

– А разве в области еще есть одно по-настоящему независимое издание? Назовите и я возьму на заметку.

– Не назову.

– То-то же! Все, которые были, давным-давно приказали долго жить. Все другие – присосались к бюджетной кормушке и, служа верой и правдой тем, с чьей руки кормятся, – бюджетодержателям или толстосумам, родственным власти, чувствуют, согласитесь, себя превосходно.

– Соглашусь.

Присоединение

Когда детектив появился в офисе, его делопроизводительница сообщила, что несколько минут назад звонил некто Григоров.

Фомин спросил:

– Что у него?

– Сказал, что выехал рейсовым автобусом в Екатеринбург и по прибытии хотел бы повстречаться.

Фомин кивнул.

– Если вновь позвонит, скажите ему, что буду его ждать.

Он прошел к себе. Усевшись в кресло, задумался. О чем? Проблем немало. Прежде всего, подумал детектив, надо попробовать обезопасить ретивого помощника. Или, по меньшей мере, хотя бы предостеречь. Он не думает, что отыщутся лихие люди, которые проявят излишнюю заинтересованность в этом деле, и попытаются воспрепятствовать, помешать ходу журналистского расследования. В конце концов, история не ахти, не настолько крутая, чтобы кому-то захотелось вмешиваться. Чьи интересы может журналист затронуть? Власти? Вряд ли: не дураки же они конченные. Местных бизнесменов? Если эти господа будут влезать в каждую бытовую историю, то их бизнес прогорит, чего вряд ли они хотят. Что касается Ромашиной Ольги Валерьяновны, матери, то она не в меньшей мере заинтересована, чем ее сын, чтобы невестку разыскать. Во вторую очередь подумал о Муравьеве и его газете. Фомин считает, что, используя печать в своих интересах, должен быть предельно корректен, точен, чтобы не подставить никого из журналистов, не дать повода для сведения счетов с ними. Порядочный человек, к которым он себя, несомненно, причисляет, должен быть порядочен и в большом и в малом.

Нет причин, но Фомин осторожничает. Может, что-то чувствует за этой банальной историей? Неужто вновь в нем заговорила да так красноречиво и навязчиво его пресловутая интуиция? Или, может, с возрастом становится перестраховщиком и не хочет лишний раз рисковать? Но сыщик без риска, что ипподромные гонки на клячах, которые уж точно не смогут никому причинить вреда – ни наездникам, ни зрителям, ни организаторам соревнований.

Фомин услышал, что в приемной запищал стационарный телефон. Галина Анатольевна, послушав, положила на аппарат трубку и вошла к шефу.

– Григоров на нашем автовокзале и идет сюда.

– Понятно.

– Может, чаек приготовить, а? Человек с дороги. И на улице еще больше похолодало.

– Сделайте, сударыня, одолжение.

– Фу! Не придуривайтесь со мной. Разговаривайте, как все нормальные люди.

– Это каких именно имеете в виду. Не тех ли, которые орут на подчиненных и топают ногами?

– Все-все! – Делопроизводительница, поняв, что дискуссия между ними может затянуться, безнадежно махнула рукой и, прихватив с подоконника электрочайник, вышла.

Фомин ухмыльнулся в след.

– Когда нечего возразить, тогда начинаем сердиться, – произнес он вслух.

Галина Анатольевна рассердилась? Тут одно из двух: либо шеф недостаточно хорошо знает «сударыню», либо сильно преувеличивает.

Отворилась входная дверь и вместе с клубами морозного воздуха появился молодой мужчина.

– Вы – господин Григоров? – Вставая со своего места, спросила Галина Анатольевна. – Посетитель согласно кивнул. – В таком случае – раздевайтесь, вешайте одежду в шкаф и проходите, – жестом она указала на дверь, – к шефу. Он ждет.

– Благодарю. – Мужчина стал раздеваться. – если бы везде посетителей называли господами и встречали вот так, то жизнь в России была бы иная.

– Как так? – Возвращаясь на свое место, поинтересовалась женщина.

Григоров, поправляя волосы у зеркала, ответил:

– Благожелательно и уважительно… Улыбчиво, а не с каменным лицом.

– Обычное дело…

– Вы так думаете?

– Да… Пережиток прошлого, имеющий пока место, в скором времени, уйдет в историю.

– Долго же придется ждать.

– Наберемся терпения и будем ждать… Цивилизация всегда брала верх.

Григоров прошел в кабинет шефа, плотно прикрыв (скорее, по привычке, чем по необходимости) за собой обе двери.

Фомин вышел из-за стола и первым, по праву возрастного старшинства, протянул руку.

– Привет. Проходи, присаживайся в одно из кресел.

Григоров смущенно спросил:

– Может, там, – он указал на один из письменных столов, – будет удобнее?

– Если так считаешь, прошу.

Вернувшись на свое место и с минуту пристально разглядывая помощника, Фомин заметил:

– Пробная твоя информация появится в завтрашнем номере газеты.

Григоров поинтересовался:

– В какой именно?

– В независимой, а таковая одна на область.

Григоров покачал головой.

– Жаль, что в нашем городе с некоторых пор она не продается.

– Позабочусь, чтобы нужные нам люди прочитали завтрашний номер и последующие.

– Это как?

– Не будем, с твоего позволения, вдаваться в детали.

– Как скажете.

Фомин, кивнув, спросил:

– С новостями?

– Кое-какими.

– Тогда – выкладывай.

– Александр Сергеевич, есть предложение.

– Какое?

– Следуя нашей договоренности, в конце вчерашнего рабочего дня забежал в резиденцию администрации города. Потолкавшись в коридорах и в некоторых кабинетах, поболтав с чиновниками, которых я хорошо знаю и верю им, получил, на мой взгляд, любопытные сведения. О них (в рамках моего журналистского расследования) решил рассказать в подготовленной публикации.

Фомин настороженно спросил:

– В ней ты ссылаешься на поставщиков информации?

– Что вы, нет, конечно! Впрочем, – порывшись в портфеле, достал лист с текстом и положил перед хозяином кабинета, – прочтите сами. Решение за вами, может пойти в таком виде или нет.

Шеф, расправив тяжелой ладонью смятые уголки бумажного листа, стал вслух читать:

« ***По следам журналистского расследования***

…» От редакции. В предыдущем номере была опубликована информационная заметка

Оторвавшись от чтения, Фомин заметил:

– Мне кажется, будет правильным, если здесь впишем заголовок заметки…

Григоров попытался оправдаться.

– Не знал, каким будет. По разным причинам, но авторские заголовки часто в редакциях меняют, поэтому…

– Не беда.

Фомин взял ручку и вписал, а потом заново стал читать:

«…В предыдущем номере была опубликована информационная заметка «В Староуральске пропала молодая женщина», в которой сообщалось, что ушла из дома и не вернулась Ромашина, мать малолетнего ребенка. Встревоженный муж Ромашин обратился в Староуральское управление внутренних дел, но там заявление не приняли, а только посмеялись: мол, нагуляется и вернется. Мы попросили своего внештатного корреспондента заинтересоваться случаем и провести собственное расследование. Сегодня публикуем первый материал. Впоследствии, по мере получения новых данных, будем регулярно информировать своих читателей о ходе журналистского расследования.

Шум без причины

Спустя два дня, в Староуральске появился известный частный детектив, который, как стало известно мне, забежал в УВД, имел долгую беседу с полковником Молчановым, в ходе которой детектив, в частности, попросил разрешить ему посмотреть журнал регистрации обращений граждан за седьмое декабря.

Сотрудники, которые при этом присутствовали, считают, что детектива из Екатеринбурга интересовало одно-единственное, а именно: действительно ли Ромашин обращался в полицию? Убедившись, что это так, детектив попрощался с полковником Молчановым и уехал в Екатеринбург.

Я позвонил частному детективу и спросил его, почему он заинтересовался этим обстоятельством? Он отказался отвечать на этот вопрос, сославшись на некие обстоятельства. Однако заметил, что когда он полковнику Молчанову назвал фамилию имя и отчество того, кто обращался в полицию с заявлением и которого отфутболили, то полковник пришел почему-то в смятение, хотя до этого никакой тревоги не выказывал.

Интересно не это, а то, что полковник Молчанов, через десять-пятнадцать минут после отъезда детектива, появился в мэрии, куда специально, как я убедился, никто его не вызывал. В коридоре второго этажа нос к носу столкнулся с градоначальницей, которая, не стесняясь многочисленных очевидцев, напустилась с бранью на начальника УВД, а потом увела в свой кабинет, откуда еще долго слышалась только женская ругань.

Очевидцы склонны считать, что их шефиня, известная всем склонностью к употреблению непечатных слов, разгневалась на то, что он, полковник Молчанов, позволил себе скрыть от нее что-то для нее очень-очень важное.

». Что именно? Автор пока не знает, но, обратившись за разъяснениями к полковнику Молчанову, отказавшемуся (без объяснения причин) даже встречаться с журналистом, наводит на мысль: весь шум без видимого повода. Как говорится у классика, Иван Иванович поссорился с Иванов Никифоровичем

Закончив читать и отложив в сторону лист бумаги, Фомин удовлетворенно потер руки.

– Классная заметка.

Григоров решил поправить:

– Не заметка, а, скорее, статья.

– Извини, но в ваших профессиональных терминах ничего не понимаю, – помолчав с минуту, добавил. – Поработал на совесть.

– Я старался.

– Понимаю, что такой текст левой пяткой не напишешь. Не требует почти никакого вмешательства.

Григоров встрепенулся.

– А что кроется под словом «почти»?

– Сущий пустяк, Евгений Васильевич.

– А именно?

– В два предложения надо внести поправку.

– Какую?

– Написано тобой: . Лучше, если написать: . *не стесняясь многочисленных очевидцев, напустилась с бранью не стесняясь многочисленных очевидцев, стала общаться на повышенных тонах*

– Ну, если вы так считаете…

– Да, считаю, ибо это в наших общих интересах… Чуть ниже стоит смягчить фразу, точнее, полностью изъять такие слова: . Подумай хорошенько: как в первом, так и во втором случая могут потребовать доказать документально… *известная всем склонностью к употреблению непечатных слов*

– А многочисленные очевидцы? Они могут подтвердить.

– Ничего и никто не подтвердит. Скорее всего, дадут другие показания. Это из гражданского судопроизводства, где заставить давать правдивые показания практически нельзя. Кто, согласись, открыто станет свидетельствовать против грозной начальницы?

– Вы убедили. – Григоров взял лист и внес обе поправки. – Теперь все?

– Да. Остается за малым. – Фомин взял исправленный текст и отнес в приемную. Вернувшись, сказал. – Галина Анатольевна сейчас быстрёхоноко набьет текст, отпечатает и вернет нам. Прочитаешь и если все будет в порядке, помчишься к главному редактору Муравьеву, вручишь статью лично ему в руки.

– А если не окажется его на месте?

– Сейчас выясню. – Набрав номер стал ждать. – Если не убежал в типографию, то должен быть там… Георгий Иннокентьевич, снова Фомин беспокоит… Вы будете на месте, если я вам подошлю гонца?.. За полчаса, думаю, доберется… Договорились. Удачи. – Фомин, отключив сотовый, обратился к Григорову. – Скор ли на ногу?

– Вроде бы…

– Заодно и познакомишься. Сотрудничество не на раз.

– Мы знакомы.

– Когда успел?

– Выходила газета «Право», где Георгий Иннокентьевич до закрытия работал редактором отдела… Я пописывал… Сотрудничал… Там же, кстати, работал мой друг и однокашник… Мы с ним вышли из одного детского дома, а потом и вместе заканчивали наш факультет журналистики. Феклистов его фамилия. Не слышали?

– Я его хорошо знал. Знаю, на чем он погорел, когда стал начальником пресс-центра главного УВД. Простодушен и его подкупили. Грубо говоря, подставили.

– Согласен: его вины в том инциденте не было. Если честно, я отговаривал его от службы в органах, среди солдафонов. Поступил по-своему. Жаль…

Вошла Галина Анатольевна и положила на стол перед Григоровым отпечатанный заново текст. Потом, глядя на своего любимого шефа, спросила:

– Чайком не побалуетесь? Готов и заварка свеженькая.

Откликнулся Фомин:

– Нет уж, сударыня. Мы – спешим.

– Что вы отвечаете за гостя?

– Потому что его ждут в редакции.

Григоров оторвался от текста.

– Да-да.

Галина Анатольевна, недовольно покачав головой, вышла.

Фомин, наблюдая, как журналист внимательно вычитывает текст и нетерпеливо ёрзает в кресле, заметил:

– Зря время теряешь.

Григоров поднял глаза.

– Почему? Мало ли при набивке что может вкрасться.

– Только не у моей делопроизводительницы. Как-никак, а тридцать лет преподавала русский язык в старших классах школы. Даже тебя может научить многому, а про меня и речи не может идти.

– Ну… В таком случае – бегу. Как бы не опоздать. И к тому же последний рейсовый автобус уходит в Староуральск через два часа.

Глава 6

Страсти накаляются, но почему?

Суета

Уже десятый час, а делопроизводительницы частного детективного агентства все еще нет на рабочем месте. Нет, и несколько часов не будет. Зато ее шеф там, где ему и положено быть, – в руководящем кресле. Нельзя же офис, считает он, закрыть на клюшку. Вообще говоря, следовало бы пополнить штат. Хотя бы принять на работу секретаршу, чтобы та все время сидела у телефона и отвечала на вызовы; не мешало бы заиметь второго детектива, которому бы хватило работы и который бы снял с плеч шефа рутинные дела. Однако… Увеличив фонд заработной платы, увеличатся существенно выплаты в социальные фонды. Накладно и пока его доходы могут не выдержать подобной нагрузки.

Шеф, которого то и дело отвлекают телефонные звонки, пытается работать с документами. Работает и мычит себе под нос:

Шеф взглянул на настенные часы: одиннадцать двадцать. Похоже, его спецпредставитель уже в Староуральске и выполняет его личное задание.

Звонит, наверное, в сотый раз стационарный телефон, на время отсутствия Галины Анатольевны звонки которого выведены напрямую.

– Частное детективное агентство… Доброго здоровья… Слышу… Так… Выкупила дополнительный тираж?.. Как и договаривались… Зачем это мне?.. Насколько мне известно, староуральцы отказались от распространения… Вот-вот… Георгий Иннокентьевич, не мытьем так катаньем… Хочу заставить читать, если даже они… Иначе… Глас вопиющего в пустыне… Выстрелы вхолостую… В этом нет никакого интереса… Нет, я имею в виду холостые выстрелы… Да, верно… Всего наилучшего… Пока!.. Кстати, вчера у вас должен был появиться Григоров… И как?.. Насчет статьи… А-а-а… Фирма веников не вяжет… Значит, в следующем номере?.. Жду… Обещал, что больше никаких «досылов»… Держать слово – это мое хобби… Да… Всего!

Шеф, положив трубку на аппарат, самодовольно хмыкнул, потом вслух процитировал любимое произведение Гашека, точнее, фразу, принадлежащую подпоручику Дубу:

– Вы знали меня с одной стороны, но вы узнаете и с другой стороны.

Он вновь замычал, но уже другую песню:

Вновь зазвонил телефон. Шеф поднял трубку, хотя отчего-то в этот раз делать этого ему страшно не хотелось.

– Слушаю… Да… Жду… Доброе утро, Павел Михайлович… Вот как?.. Прочитали?… Возмущены?.. А что там такого?.. Нет, еще не видел… Мне газету доставляют лишь во второй половине дня… Неужели искажены факты?.. Нет, а в чем тогда дело?.. В газете разве единственное подобного рода сообщение?.. Вот видите, Павел Михайлович… Я не думаю… В России свобода печати, пусть уже и стала относительной… Вот оно что… Не понимаю… Не понимаю, чего надо Ромашиной?.. Об имидже печется?… Понятно: не хочет, чтобы трепали ее фамилию… Но вы-то тут причем?.. Вот именно… Да… Перемелется – мука будет… Сочувствую… Хотелось бы знать, кто дал редакции эту информацию?.. А зачем?.. Не заморачивайтесь… Я?! С какой стати?… Я единственный, кто?.. Чепуху говорите, Павел Михайлович… Мог кто угодно… Например, любой из ваших сотрудников… Я?.. Мне позвонили из редакции… Наверное, чтобы уточнить у меня, знаю ли я что-либо по этому случаю…

Врать не стал… Сказал, что господин Ромашин действительно попытался подать заявление о розыске жены, но заявление на самом деле в управлении не приняли… Но разве это не так? Не хотите ли сказать, что я должен был отрицать очевидное?.. Из корпоративной этики?.. Как бывший сыщик?.. Нет-нет: я, во-первых, не сыщик, во-вторых, уголовного дела нет и нет также с вашей стороны никакого расследования… Вот, если бы… Увы, Павел Михайлович, если бы даже знал, кто автор информации и как она просочилась в газету… Все равно бы вам не сказал… Могу предположить лишь, что мог кому-то сказать сам Ромашин Сергей Юрьевич… Звонили?.. И что он?.. Правильно сделал, что отказался разговаривать на эту тему… Имеет полное право… Его личное дело… Извините, Павел Михайлович, но наш разговор теряет всякий смысл… Понимаю вас, но ничем помочь не могу… Взаимоотношения с главой городской администрации – это ваши проблемы и меня они никак не касаются… Собираетесь обратиться в главное управление внутренних дел?.. Ради Бога, но там вас вряд ли поймут… Потому что в газетах подобные информации появляются пачками, в том числе и с подачи самих органов… Извините, что не смог ничем помочь… Увы!

Фомин, отключившись, фыркнул.

– Ага, – проворчал он, – уже прочитали и засуетились… То ли еще будет, когда всерьез возьмусь… Впрочем, чего все суетятся? Да, имидж. Да, поползут слухи по городу. И что? Лично мне – на руку…

В половине третьего появилась его «сударыня», раскрасневшаяся от мороза, который все крепчает. Шеф взглянул, увидев довольное лицо, понял, что миссия удалась. Вида же не подал.

– Ну-с, сударыня, рассказывайте.

– Докладываю в подробностях, шеф. Поручение выполнила: доставила свежий номер по указанным адресам, в том числе оставила два экземпляра в УВД, три экземпляра в мэрии, по экземпляру гражданам, проживающим по соседству с Ромашиным.

– Значит, видела дом главы администрации?

Галина Анатольевна кивнула.

– Рассмотрела, насколько возможно.

– Какие впечатления?

– Три этажа, из красного кирпича. Башенки по углам, всякие пилястры, колонны и всякая другая дребедень. Аляповато. Дурновкусие. Земельный участок большой, не меньше гектара. Подобных особняков достаточно и в пригородах Екатеринбурга: видела, когда ехала в автобусе… Элита друг у друга учится.

Фомин усмехнулся.

– Один из получателей уже мне позвонил.

– Кто?

– Начальник управления.

– Так быстро отреагировал и это значит, что задело. Что ему надо было?

– Очевидно, хотел узнать, не я ли распространил информацию.

– Чует… Не ты один, оказывается, имеешь интуицию.

– Да уж… Я попытался разуверить…

– Дорогой мой шеф, скажите, зачем все это? Чего хотите добиться? А что если, все это банально?

– Например?

– Жена Ромашина отлёживается у любовника.

Фомин кивнул.

– Как вариант… Но внутренний голос подсказывает, что тут что-то другое, что-то серьезное. И чтобы быть готовым, горожу весь этот огород.

Сударыня усмехнулась.

– Тревожный симптом…

– Это о чем?

– Когда человек начинает слышать голоса. – Галина Анатольевна встала. – Вообще-то, дорогой мой шеф, я задание выполнила на двести процентов.

– Извольте поделиться, сударыня, как это вам удалось?

– У меня оставалась еще приличная пачка. Решила оставшиеся газеты растолкать по абонентским ящикам, головного почтового отделения. Подумала: чем больше людей прочитает, тем больше будет для тебя пользы. Я права, шеф?

– Конечно, милочка! Нет, чтобы я без вас делал?! В этом и цель: чем больше людей прочитает, тем лучше.

– Но это же дополнительные расходы.

– Вот куркулиха, а? Жаба начинает душить, да? Успокойся: думаю, что траты окупятся.

– Цыплят по осени считают… Посмотрим.

Галина Анатольевна вышла и занялась делопроизводством.

Фомин остался сидеть, тупо глядя в окно, где, как ему показалось, разыгрывается настоящая метель.

Зазвонил телефон. Оказалось, что на том конце провода заказчик. Сергей Юрьевич Ромашин сказал:

– Простите, но стоило ли публиковать в газете?

– Но я-то тут причем? – Ответил Фомин. – Журналиста, как и волка, ноги кормят. Каким-то образом узнал и…

– Мне звонил полковник Молчанов.

Фомин притворился, что ничего не знает об этом звонке.

– Странно… Чего он хотел от вас?

– Предположительно, хотел узнать, не я ли отправил в газету информацию.

– И… Вы?

– Отказался разговаривать на эту тему.

– Вы, Сергей Юрьевич, правильно поступили.

– А мне показалось…

– Даже не сомневайтесь… Что касается действий журналистов, то оставим это право за ними и не будем вмешиваться, хорошо?

– А если гласность пойдет во вред, помешает вашему поиску?

– Я так не думаю, Сергей Юрьевич. Скорее наоборот.

– А какую мне занимать позицию?

– Пожимайте плечами и делайте вид, что сами ничего не знаете, ничего не понимаете.

– Кто бы ни спрашивал?

– Да-да-да.

– Вас понял.

И абонент отключился.

« *Я люблю тебя, жизнь*
» *И, надеюсь, что это взаимно…*

« *Была бы страна родная*
…» *И нету других забот*

Вопросы

Сергей, которому недавно исполнилось двадцать пять, после окончания Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина, трудится в мэрии: мамочка настояла. Поупирался немного, а потом все-таки согласился. Нельзя было не согласиться, потому что напор был невероятный. Вообще-то ему хотелось заняться бизнесом – тянуло сильно, причем давно, еще на первом курсе. Каким видом бизнеса? Положил глаз на автосервис, то есть диагностика, технический осмотр, обслуживание, текущий и гарантийный ремонт легковых автомобилей. Свою иномарку, подаренную ему матерью на его двадцатилетие, между прочим, ремонтировал и ремонтирует своими руками: считает, что лучше его этого никто не сделает. Даже присмотрел помещение на въезде в Староуральск. Но… Не получилось. Смирился с годами.

Сейчас-то Сергей понимает, что у него ничего бы не получилось. Мать была права, говоря, что с его характером, мягким и уступчивым, либо его бизнес сгорит дотла уже через полгода, либо конкуренты, более хваткие, чем он, разорят, либо, что еще страшнее, наедут местные или екатеринбургские братки, с которыми не только он, а и полиция не может справиться – пасует и разводит руками.

Должность Сергея – ведущий специалист по связям с общественностью. Никакой он не «ведущий специалист», а смех на палочке, человек, создающий видимость работы, человек, как он сам любит выражаться, часами бьющий баклуши. Любого другого выперли бы уже через месяц, но только не его: непосредственный начальник заискивающе глядит, делает вид, что не замечает ничем не прикрытое бездельничество подчиненного, более того, включает всегда в список на материальное поощрение. А когда Ромашина спрашивает, как ее сынок, этот олух царя небесного, то непременно возражает, утверждая, что ее сын – отменный специалист, добросовестный и аккуратный, что таких грамотных работников еще поискать надо. Мать при этом хмыкает и делает вид, что так и есть. А что еще матери надо? Сердце спокойно: сынок любимый всегда на глазах, под ее присмотром и если что, то тигрицей кинется на защиту единственного и неповторимого. То, что «олухом царя небесного» прилюдно называет, – не в счет: должна же она показать всем, что и к сыну относится как всего лишь к одному из подчиненных, то есть объективно. Но ушлых чиновников не обманешь. Они-то прекрасно знают, что сынок для маменьки – ясный свет в окошке, что никого дороже нет и быть не может.

Сергей помнит, как в пятом классе он позволил себе однажды проводить из школы до дома девчонку, между прочим, отличницу. Мать, увидев, устроила проработку, запретив сыну даже приближаться к девчонке. Потом, несмотря на то, что еще не была всемогущей начальницей, потребовала от классного руководителя докладывать ей, с кем дружит ее сынок, чтобы классный руководитель препятствовала общаться Серёженьке со всякой, как маменька выражалась, швалью. Когда сынок уже перешел в десятый класс, а учился он, кстати говоря, весьма посредственно, маменька присмотрела для сыночка подружку из того же класса, дочь генерального директора местного крупного завода. Девочка была явно не красавица, да и умом не блистала, но зато, по мнению маменьки, это была ровня ее сыну. Сын же проявлял равнодушие к избраннице, оставался холоден, несмотря на то, что маменька постоянно зазывала избранницу в дом, устраивала в ее честь семейные вечеринки-чаепития, открыто называла будущей невесткой. Девочка все принимала за чистую монету, верила Сережиной маменьке и, наверное, строила далеко идущие планы, потому-то не скрывала – Сереженька ей очень и очень нравится. И даже ревновала, эмоционально реагировала, когда видела, что ее избранник проявляет интерес к другим одноклассницам, отдавая им явное преимущество. Бывало, что звонила Ольге Валерьяновне, жаловалась, что к ней Сержик холоден, в отличие от других школьниц. После подобных звонков мамочка устраивала воспитательные мероприятия. Сын

слушал, согласно кивал, даже, чтобы усыпить бдительность, поддакивал, но продолжал вести себя вне дома по-прежнему.

Сергей уже тогда понимал, что, несмотря на всевластие матриархата в его семье, на диктат женщины по отношению не только к нему, а и к его отцу, на самом деле последнее слово все равно будет за ним: открытого бунта он устраивать не будет, однако в безмозглую и покорную овечку его никто не превратит, даже любящая его мать-эгоистка.

Сегодня, как всегда, с утра Сергей прошвырнулся по кабинетам мэрии, поболтал с себе подобными чиновниками, вернувшись к себе, пошуршал для вида какими-то бумагами, потом сбегал в буфет, покушал и выпил кофейку. После двух часов по полудни с азартом поиграл в компьютерные игры, а уже через два часа, одевшись, ушел, не попрощавшись с коллегами, не поставив в известность непосредственного начальника. Поведение настолько привычно, что никто и не обращает внимания.

Молодой чиновник постоял несколько минут на крыльце, потом спустился, прошел на стоянку служебного транспорта, какое-то время постоял возле своей красавицы-иномарки, сел, запустив двигатель, умчался. Уже несколько дней не находит себе места, особенно неуютно чувствует себя среди знакомых людей. Однако по нему никто не может определить, насколько ему тревожно, тревожно не за себя, а за судьбу исчезнувшей жены. Все, глядя на него, завистливо думают: счастливчик, баловень судьбы, у которого не жизнь, а малина. На самом деле… Нет, он и в самом деле баловень судьбы – это факт, отрицать который глупо, однако и у таких, как он, в жизни случаются, оказывается, неприятности. Да еще какие!

Подвернув к воротам родимого особняка, Сергей не стал вызывать охранника, а своими ключами открыл кодовые замки, раздвинул створки, загнал машину в гараж, точнее, в один из трех боксов. Оставив там машину, не закрывая двери, а лишь прикрыв их, вошел в дом, поднялся на второй этаж, где в коридоре к нему с визгом помчалась трехгодовалая дочурка, а следом шла воспитательница. Конечно, на воспитательнице настояла опять же его мать, потом, подбирая достойную кандидатуру, она долго рылась в списке претенденток. Сделав выбор, не советуясь ни с кем в семье, осталась довольна. Сергей считал, что есть мать, которая находится в отпуске по уходу за ребенком, что ей и все карты в руки. Его мнение было не в счет, тем более, когда бабушка уже приняла решение, от которого она никогда не отказывалась и не откажется. Говоря по чести, выбор был удачным, воспитательницей вся семья не могла нарадоваться. Дробышева Алла Денисовна, женщина 58 лет, до выхода на пенсию тридцать лет проработала воспитательницей в одном из лучших детских садов города. Более того, к ней сразу же привязалась Ксюшка, названная этим именем в честь матери Ольги Валерьяновны.

Девчушка подбежала и тотчас же, подхваченная сильными руками, оказалась в отцовских объятиях.

– Папочка, можно я на ушко что-то спрошу?

Он прижал дочь к груди.

– Ну, конечно, любимая!

– Папочка, а ты маму не пливез?

Сергей тотчас же помрачнел. Он еще крепче прижал маленькое тельце.

– Нет, любимая, нет.

– Мамочка не хосет, да? Мамочка не скусает по мне, да?

– Что ты! Что ты! Она хочет и сильно-сильно скучает, но… пока не может. Давай, любимая, еще наберемся маленько терпения и подождем.

– Хосу маму, – девочка закуксилась и в глазах появились слезы, – так скусаю. – Ксюшка чмокнула в щеку отца, а потом спросила. – А ты тоже скусаешь?

Сергей глухо ответил:

– Еще как!.. Я ведь ее люблю…

– Сильно-сильно, да? Как меня?

Сергей кивнул. Он не мог ответить, потому что в горле стоял ком. Алла Денисовна все поняла и пришла на помощь.

– Ксюшенька, мы поспали, покушали, а теперь пришла пора позаниматься.

– Но папа…

– Твой папа никуда не денется.

– Да, папоска? Ты будешь дома и никуда не денешься?

– Будь в этом уверена.

Отец спустил дочь на пол. Воспитательница увела ее в детскую.

Сергей же вышел из дома, прошел в гараж и занялся своей машиной. Ему надо было успокоиться. Дочь раз за разом, разрывая его сердце, спрашивает о матери, но он ничего ей не может ответить. За что ему такие мучения? Не за что! Потому что не заслужил. Неужели убежала с любовником, бросив не только его, но и малолетнюю дочь? Он видит разные шоу по телевидению, где чудовища-матери творят просто немыслимое со своими детьми, а с мужьями тем более. Нет, его любимая Светланка на такое не способна. Он жену не мог обидеть – ни словом, ни делом. Это знают все. Пусть бы кто-нибудь попробовал обидеть его Светланку, даже мать, которую он также обожает, он, Сергей, разорвал бы на части. И это не фигура речи. Это знает вся семья. И даже соседи. Или те же сослуживцы, которые, да, за спиной злословят о нем, считают лентяем (и правильно считают), маменькиным сынком, баловнем судьбы, но что касается его взаимоотношений с супругой – ни у кого язык не повернется сказать что-либо дурное.

Жандарм

Сергей, не торопясь, вымыл машину, пропылесосил салон. И, посмотрев на наручные часы, показывающие без четверти шесть вечера, решил, не заходя домой, смотаться в ближайший ресторан «Уральские самоцветы», посидеть там в одиночестве за бокалом хорошего вина, подумать о главном – о любимой Светланке.

Но тут ухо уловило автомобильный сигнал. Он выглянул из бокса и увидел, как к калитке, оборудованной также кодовым замком, бежит Матвей, охранник, а по ту сторону калитки, нетерпеливо топча снег, стояла его мать. Служебная машина, доставившая ее, все еще находилась неподалеку. Водитель, исполняющий обязанности также охранника, должен был стоять до тех пор, пока его начальница не скроется в особняке.

Сергей вернулся в бокс, плотно прикрыл за собой дверь, при этом подумал: «Есть же ключи, но нет, дай поманерничать».

Сергей полагал, что мать пройдет в дом, но он ошибся. Отворилась дверь бокса и в проеме показалась Ольга Валерьяновна. Увидев ее, сын стал усердно тереть зеркало заднего вида, хотя оно уже давно блистало чистотой. Мать подошла и какое-то время молча стояла: наверное, по его лицу пыталась понять, о чем он сейчас думает.

Сын не выдержал. Он, притворившись, что только что заметил мать, сказал:

– А… это ты… Хочешь о чем-то спросить?

– Да. – Не сразу ответила Ольга Валерьяновна. – В мэрии тебя не оказалось… Народ не знает, где ты… Сказали, что оделся и ушел по каким-то делам… Ну, вот, – она тяжело вздохнула, – поняла, где можешь быть: если машина в гараже и он закрыт, то ты в какой-нибудь забегаловке…

Сергей пробурчал:

– Недалека от истины… Еще бы пару минут и я смылся бы.

Мать недовольно покачала головой.

– Сынок, зачем куда-то бежать, если дома есть все: и закуску тебе приготовят самую изысканную, и вино выставят наилучшее. Ешь-пей – не хочу.

Сергей многозначительно заметил:

– В самом деле, от добра – добра не ищут.

– Это ты на что, сынок, намекаешь?

– Да так…

– Не хочешь ли сказать, что дома тебе плохо и семья, которая любит тебя, не мила?

– С некоторых пор, – вновь пробурчал Сергей.

Ольга Валерьяновна достала из сумочки платок и приложила к глазам.

– Отец и мать перед тобой чем-то провинились?

– Нет, но… Неужели, мам, нельзя понять, что мне плохо?

– Допускаю, что родителей избегаешь, но не забывай, что у тебя растет замечательная дочь, которая нуждается в тебе.

– Не забываю… Если бы не Ксюшенька, то…

– То что?

– Подался бы…

– Куда?

– Куда глаза глядят… Дома мне всё напоминает о Светланке… Всё настраивает на дурные мысли… Гоню их, а они все равно, как назойливые мухи, лезут и лезут.

– Разве нам твоя боль безразлична?

– Кому это «нам»? – с явными признаками сарказма спросил Сергей, хотя мать, судя по всему, не заметила, или же притворилась, что не заметила.

– Мне и твоему отцу… Мы не меньше твоего переживаем… Между собой обсуждаем…

– Ну и до чего дообсуждались?

– Знаешь, сынок, мы думаем…

– Скорее всего, это ты думаешь.

– Не обижай отца…

– Какие обиды, если он давно уже не имеет своего мнения и во всем с тобой соглашается? Подмяла под себя мужика, а он даже пикнуть боится.

– Ты плохо, сынок, думаешь об отце – это нехорошо.

– Я никак не думаю, потому что вижу и знаю. А ты меня все еще держишь за десятилетнего несмышлёныша.

– Для любящей матери ты был, есть и навсегда останешься ребенком.

– Хорошо-хорошо… Так до чего вы с отцом додумались?

– Мнения наши разошлись…

– Неужели?!

– Да-да, сынок…

– Это интересно. Слушаю.

– Мое мнение: Светланка сбежала с хахалем.

– С чего взяла? – Насупившись, спросил Сергей. – Разве она давала повод для подобных мыслей?

– Кажется, нет, но… Сынок, ты плохо знаешь женскую натуру. Женщина льнет к каждому, кто приласкает, приголубит.

– Ты то же из их числа?

– Я – не в счет.

– Как тебя понимать? Ты не женщина, что ли?

– Я – женщина, но со стержнем, согнуть который вряд ли сможет какой-нибудь мужчина.

– Железная леди? Как Маргарет Тэтчер?

– Что-то вроде того.

– Поэтому и держишь мэрию в ежовых рукавицах?

– Да, держу. И что? Разве плохо для города, в котором есть хозяин?

– Мам, не будем об этом, а то уйдем слишком далеко. Скажи, если уж заикнулась, какая версия у отца?

Ольга Валерьяновна кивнула.

– И скажу! Твой отец считает, что, как он выражается, невестка скопытнулась… Она в том возрасте, когда молодые женщины особенно часто совершают ошибки…

– Давай, мам, поконкретнее. Какую ошибку могла совершить Светланка?

– Обычную. Отец считает, что ты об этом тоже размышляешь, держишь в голове.

– Позволь, что я держу в голове?

– У невестки, сам знаешь, что за подружки…

– Подружки у Светланки разные.

– Вот-вот! – Ольга Валерьяновна быстро закивала. – Есть такие, которые любят шумные компании и частенько заглядывают в рюмку.

– Допустим.

– Быт заел твою жену настолько, что она решила на несколько дней отойти от семьи и с подружками расслабиться.

– Так думает мой отец?

– А что ты так удивился? Не было, что ли, прежде? Напряги память, сынок.

Сергей, смутившись, отвел взгляд в сторону.

– Да, было… Но давно быльем поросло.

– Специалисты говорят, что в любое время может случиться и рецидив у алкоголиков.

– Мам, прекрати поливать грязью мою жену!

Ольга Валерьяновна хмыкнула и повела плечами.

– Я тут ни при чем. Напоминаю: это версия не моя, а твоего отца.

– Но внедренная тобой, мам.

– Поговори с отцом с глазу на глаз, по-мужски и я уверена в том, что он подтвердит мои слова.

– И поговорю!

– Давно пора, сынок. Твой отец по характеру мямля, однако трезвым умом не обделен.

– В отцовском уме я и не сомневаюсь.

– Тем лучше. – Ольга Валерьяновна сделала паузу, которая Сергею показалась многозначительной, после которой она сменила тему. – Кстати, сынок, я сегодня узнала новость, которая меня повергла в шок.

– Поделись. А что, если и меня твоя новость повергнет в тот же самый шок?

Ольга Валерьяновна отрицательно покачала головой.

– Тебя вряд ли.

Намёк матери дошел до сына, но он сделал вид, что ее не понимает. Однако насторожился, потому что понял, что это и есть главная тема, с которой к нему пришла мать.

– Мам, ты о чем? – Невинно глядя ей в глаза, спросил он.

– Газеты не читаешь?

– Обычно перелистываю, но сегодня как-то забыл.

– Напрасно.

– Что-то газета «Городские известия» выдала новое? Как она посмела?

– Совсем другая газета – «Криминальное обозрение».

– Ни разу не видел. Неужели продается в наших киосках «Роспечати».

– Везде продается, но не в нашем городе, – поджав губы, ответила Ольга Валерьяновна. – Когда-то и у нас продавалась…

– Понимаю: ты приложила свою железную руку.

– И, между прочим, ни разу не пожалела. Желтую прессу и на порог не пущу. В подобных газетах общество не нуждается.

– Мам, кто тебе дал право говорить за всех?

Ольга Валерьяновна жестко ответила:

– Те, кто отдали свои голоса на выборах.

Сын решил уколоть мать, сбить с нее спесь.

– Но, мам, за тебя проголосовало всего лишь пятнадцать процентов от числа включенных в список избирателей.

– Это неважно.

– Почему для тебя «неважно», если твоих сторонников всего-навсего пятнадцать процентов?

– Все по закону.

Сергей злорадно ухмыльнулся.

– Да, по закону, но не по совести и тем более не по справедливости.

Мать недовольно поморщилась.

– Оставим это и вернемся к газетенке. – Если бы Ольга Валерьяновна была повнимательнее, то обратила бы внимание на странную ухмылку сына. Дело в том, что когда сын приехал домой, то по привычке заглянул в почтовый ящик у калитки, а там была та самая газета, которая сейчас лежит в прихожей особняка и дожидается хозяйки, той самой хозяйки, которая только что заявила, что «на порог не пустит».

Сергей продолжал корчить из себя недотёпу.

– Как могло попасть тебе на глаза издание, на которое нет подписки и которое в Староуральске не продается?

– Провела служебное расследование. Оказалось, что в мэрию несколько экземпляров газеты доставлены курьером.

– Как посмели?

Мать развела руками.

– Как-то так…

– Ну и чем же газета тебя «повергла в шок»?

– Оказывается, ты, мой любимый сынок, не советуясь ни со мной, ни с отцом, обратился в нашу полицию, хотел, чтобы там подключились к розыску исчезнувшей жены.

– Согласен, что, не посоветовавшись с родителями, поступил нехорошо. Но, с другой стороны, я взрослый человек, имею право обратиться куда угодно.

– Право ты имеешь, но не можешь…

– Почему?

– Ты должен был подумать обо мне.

– Не понимаю, мам, причем тут ты, а? Муж разыскивает свою пропавшую жену, но и только.

– Я – первое лицо города. И прозвучала моя фамилия, а это удар по моему имиджу. Что люди подумают, а?

Сергей ухмыльнулся.

– Тебя заботят не рядовые люди, а твои покровители, которые сидят высоко и далеко.

Ольга Валерьяновна явно не хотела идти на конфликт, поэтому пропускала мимо ушей колкости сына.

– Что люди скажут?

– Нормальные люди, мам, ничего плохого не скажут. Некоторые даже тебе посочувствуют, потому что исчезла твоя любимая невестка.

– Начнут сплетничать…

– Вот беда какая: будто прежде никто не сплетничал.

– Сплетничали, но беспочвенно, не имели фактов. Сейчас же зададутся вопросом, что это за хозяйка в городе, которая в доме своем не может поддерживать порядок, от которой убегает невестка?

– Странно, мам, что ты именно сегодня встревожилась из-за моего обращения в полицию.

– Что тут странного, сынок? Прочитала в газете и…

– И сына за дурачка держишь, да?

– Глупость сморозил.

– Да нет, не глупость! Ты знаешь о моем обращении в полицию уже несколько дней…

Ольга Валерьяновна возмущенно замахала руками.

– Из газеты узнала… Прочитала и узнала.

– Мам, зачем мне-то врешь. Я отлично знаю, что ты отлаяла полковника Молчанова, прилюдно его унизила лишь за то, что он сразу же тебя не поставил в известность. Его ли это вина, что в дежурной части не обратили внимания на мою фамилию и не связали с могущественной градоначальницей, не доложили начальнику управления?

Сын сбил с толку мать.

– Ну, сынок, что за начальник, если не знает происходящее в его ведомстве.

– А сама ты уверена, что знаешь у себя все?

– Уверена, – нерешительно ответила Ольга Валерьяновна.

– Зря! Знаешь, как тебя за глаза называют твои же подчиненные?

– Как именно?

– Жандарм в юбке!

– Не слышала.

– Вот! Если бы не затыкала рот прессе, то давно бы об этом знала. И о многом другом.

Ольга Валерьяновна махнула рукой и заспешила к выходу.

– Ладно. Забудем. Пойдем в дом. Слушай, сынок, там не рассказывай о неприятностях, ладно?

– Вот была нужда! Да и разве это неприятности?

У крыльца Сергей сказал:

– Мам, извини, а?

– За что, сынок?

– За всё, мам. Прежде всего, за мои подколы.

Мать ласково погладила сына по спине.

– Я же люблю тебя, дурачок… Так люблю, что ради твоего счастья иду и пойду на все… Тебя не дам никому в обиду… Ты один у меня… Нет, есть еще один человечек, которого я люблю так же горячо, потому что Ксюшенька твоя, а, значит, и моя кровинушка. Верь, сынок, мне.

– Верю, мам, верю.

Глава 7

Немотивированный подозреваемый под номером один

Нащупывания

Почва, как ему кажется, подготовлена, стало быть, пора вновь появиться в Староуральске и приступить непосредственно к розыску, как он любит выражаться, к нащупыванию узелков. А узелки эти должны быть, их не может не быть. Пальцы, как считает детектив, уже не те, несколько с возрастом огрубели, но достаточно чувствительны, как показала практика, чтобы в нити определить тщательно замаскированные утолщения. Развязав хотя бы один узелок, всё пойдет легко, можно сказать, стремительно поплывут в руки, как щепки в бурном водовороте горного ручья, и другие секретные завязи. Опять-таки, опираясь на богатый опыт, считает: если узелок завязан одним человеком, то его вполне по силам развязать другому человеку: иначе, мол, не бывает.

Рейсовый автобус, в котором он едет, выехал за границу Екатеринбурга и, набрав скорость, помчался по автостраде Сибирского тракта. Салон не заполнен. Пассажиры дремлют по причине раннего утра. Нет, утро вовсе и не раннее: уже без четверти восемь. Однако уральский рассвет еще не наступил, а сумерки нагоняют дремоту. К тому же длительное отсутствие солнца, которое уже несколько дней, спрятавшись в плотный облачный покров, не радует уральцев: без солнца они начинают ощущать некий дискомфорт, становятся вялыми и, как следствие, их охватывает сонливость.

Этот крупногабаритный пассажир (слава Богу, соседнее место не занято) тоже прикрыл глаза, но совсем по другой причине: решил, сосредоточившись, подумать еще раз о плане его предстоящих действий. Он не любит случайности, потому что они своей непредсказуемостью выводят его из привычного равновесия. Он помнит философское утверждение, что цепь неких случайностей – образует уже закономерность, однако…

Автобус подскочил на какой-то дорожной неровности, в результате чего хорошенько встряхнуло всех пассажиров. Моему герою это не понравилось и он еле слышно пробурчал:

– И это федеральная дорога? Черти, когда будут по-европейски ухаживать за дорожным покрытием? – и сам же ответил. – Пожалуй, никогда.

Вот так: от заядлого пессимиста ничего иного ожидать не приходится. Он, кстати, любит такую байку и всегда рассказывает, даже незнакомым людям.

Один мужик спрашивает приятеля: «Вот скажи, чем отличается пессимист от оптимиста? – Приятель пожимает плечами, давая понять, что вопрос, по меньшей мере, странен. Мужик, торжествуя, восклицает. – Между ними принципиальная разница!»

Приятель отвечает: «Это и козе понятно».

Мужик продолжает: «Не скажи!.. Отличие вот в чем: если пессимист вечно хнычет, что хуже не будет, хуже не будет, то оптимист восторженно говорит, что будет хуже, обязательно будет».

Медленно, но сумерки все-таки рассеиваются. Уже различимы слева дружной толпой бегущие молодые сосенки, а вместе с рассветом в автобусе наступило оживление.

Мой герой заметил щит, на котором было написано: «Волчихинское водохранилище». А чуть ниже жирная стрелка указывала влево и стояла цифра: 2 км. Он бывал и знает, что

здесь любят отдыхать екатеринбуржцы, так как построены небольшие кемпинги; кроме того, берег водохранилища – излюбленное место для «дикарей», то есть для многочисленных неорганизованных любителей рыбалки, в том числе и зимней. Он, вздохнув, подумал: «Надо бы как-нибудь выбраться и выманить на природу Пал Палыча. Посидеть у лунки, понадеяться на удачу и… пообщаться, конечно. – Послышался его новый вздох. – Безнадёжно… Сегодня друга и на аркане не вытянешь…».

Автобус, взяв вправо, сошел с федеральной автострады Екатеринбург – Пермь и за окном замелькали пригороды Староуральска: слева – завод каменного литья для металлургической промышленности, а справа – магистральные железнодорожные пути.

Автобус, сбросив скорость, стал подниматься на путепровод. Этот путепровод заставил моего героя вспомнить один из эпизодов давнего уголовного дела; именно здесь группа одних бандитов решила устроить засаду для других бандитов-соперников и по-черному «замочить» их. Почему избрали именно путепровод? Потому что одна из потенциальных жертв жила по эту сторону, а офис имела по другую сторону, объехать же не было никакой возможности. Нет, одна все-таки возможность была, но для этого надо было сделать немалый крюк – в общей сложности километров восемьдесят. Поначалу мой герой, который тогда входил в оперативно-следственную бригаду, никак не мог понять, зачем надо было устраивать засаду именно на этом путепроводе. Первое, что тогда пришло в голову, – необычайная дерзость и наглость распоясавшихся бандитов, но не более того. Разобравшись в местной специфике, понял: наряду с дерзостью, чего не отнимешь, налицо было удобство для совершения нападения, ибо жертве изначально не было никакой возможности увильнуть от возмездия, то есть был стопроцентный успех бандитской операции. Да, могли пострадать и другие, невинные участники дорожного движения, а здесь оно всегда плотное, но разве бандиты когда-нибудь по этому поводу заморачивались?

Когда автобус миновал путепровод, грузный пассажир покачал головой и вслух произнес: «Западня, ловушка».

Дорога, по которой сейчас ехал автобус, состояла из одних колдобин и пассажиры невольно стали испытывать серьезные перегрузки. Но, слава Богу, вскоре водитель свернул налево, проехав метров сто пятьдесят, свернул направо, остановился неподалеку от автовокзала и открыл переднюю дверь, чтобы пассажиры освободили салон.

Грузный пассажир покинул салон в числе первых, причем, довольно-таки, в отличие от других, бодренько, можно сказать, молодцевато. Найдя безопасное место, достал сотовый и стал набирать номер. Судя по тому, что ему тотчас же ответили, звонка ждали. И состоялся вот какой разговор…

– Доброе утро.

– Здравствуйте… С прибытием на староуральскую землю.

– Благодарю… Нам надо встретиться.

– Прямо сейчас?

– Желательно… Понимаю, что вы на работе и…

– Какая чепуха!

– Не согласен: придется отпрашиваться. Постарайтесь найти какой-либо другой предлог.

– В этом нет необходимости.

– Странно… Но у чиновников…

– Но я на особом положении. Причину, надеюсь, объяснять не надо?

– А… Ну, да… Так и есть…

– Где вы сейчас?

– Рядом с автовокзалом. Подскажите, где мы можем встретиться? Я подъеду. Муниципальный транспорт разворачивается недалеко, у железнодорожного вокзала. Назовите номер маршрута и на какой остановке мне выйти и…

– Что вы?! Разве таких гостей так встречают?

– Каких «таких»? И как «так»?

– Короче говоря, ждите меня там, где находитесь. Подъеду на своей машине (как она выглядит вы, конечно же, не забыли) и потом решим, где, что и как.

– Не только… Но знаю и номер.

– Ну и зорок же ваш глаз!

– Полагается. Знаете же мое основное занятие.

– Знаю.

– Хозяин – барин. – Гость отключил связь.

Но тут же стал вновь набирать номер. С минуту никто не отвечал, но все-таки услышал запыхавшийся голос.

– Слушаю.

– Привет. Надеюсь, не забыл и поэтому не надо представляться?

– Нет, не надо.

– Это уже хорошо. Слушай меня: я – в Староуральске…

– Где именно?

– На данный момент не имеет значения.

– Дошло. Слушаю.

– Нам необходимо, если уж я здесь, сбежаться.

– Где?

– Пока еще сам не знаю.

– А когда?

– В районе пяти вечера. Как освобожусь, так брякну тебе. Сможешь? Твои планы не срываю?

– Нет-нет, все нормально. Мне даже отпрашиваться не придется. В это время все мы линяем.

– В таком случае – до очередного сеанса связи.

Отключив телефон, огляделся. Нужная машина уже сворачивала на автобусную стоянку. Развернувшись, подъехала к нему. Открылась правая передняя дверца.

– Прошу.

– Слишком видное место… Не хочу без нужды светиться, поэтому…

Водитель кивнул, потянулся и открыл с правой стороны вторую дверцу.

– Прошу.

Гость с трудом, но втиснулся в салон, осмотревшись по сторонам, сказал:

– Так-то лучше.

Он осторожно прикрыл за собой дверцу.

В самом деле, стекла сзади его, а также справа и слева, были затенены. Так что разглядеть, кто в салоне, представлялось затруднительным.

Откровения

Устраиваясь поудобнее, внимательно рассматривая отделку салона, Фомин отдал должное владельцу:

– Со вкусом.

Сергей Юрьевич усмехнулся.

– Средне, – заметил он. И добавил. – У крутых бизнесменов куда круче.

– Но зато они изо дня в день по лезвию ножа ходят. Вы же ничем не рискуете.

Ромашин согласно кивнул.

– Это так. – Он, запустив двигатель, поинтересовался. – Каковы ваши планы или намерения, Александр Сергеевич?

– На ближайшие часы?

– Хотя бы.

– Не спеша побеседовать с вами, Сергей Юрьевич.

– Позвонили бы… Я тотчас же бы подскочил в офис. Тем более вы, как я понимаю, безлошадный, а перемещение в общественном транспорте – не из приятных. Да и потери времени большие, а для вас время – деньги, в прямом и переносном смысле.

– Пожалуй, соглашусь, но лишь отчасти.

– Почему «отчасти»?

– Когда служил в органах, то особой нужды в личном транспортном средстве не было. Когда надо было срочно выехать на задание, то мог в любое время вызвать служебную машину. Привозили и отвозили без каких-либо для меня хлопот. Хотя (признаюсь вам) и тогда подобными услугами пользовался крайне редко.

– Это еще почему?

В глазах Фомина засверкали озорные искорки.

– Только между нами, хорошо?

– Как скажете, – серьезно ответил Ромашин.

– Всегда хотел быть ближе к народу, к тому самому советскому народу, девяносто процентов которого не имело возможности достать самую захудалую машину, например, горбатенького «Запорожца».

– Ну, уж вы-то…

– Именно я и был одним из них.

– Скажете… Не верю.

– Попробуйте меня понять, Сергей Юрьевич. Законным путем купить не мог, так как в УВД был длинный список из желающих, в котором движения вперед почти не наблюдалось. Доставать же, то есть по блату, через заднее крыльцо, принципиально не хотел. Потому что надо было платить услугой за услугу. Сами понимаете, какую я мог оказать тогда торгашам услугу?

– Меня тогда еще на свете не было, а поэтому как-то странно: многие говорят, что при советской власти люди жили в изобилии.

– Кто-то в самом деле жил, но это избранные, сливки советского общества.

– Но и вы были не последним человеком, разве не так?

– Не последним, но и далеко не первым. Чтобы убедить тебя, приведу самый обычный факт. За полтора года до распада СССР случайно оказался на заседании партийного комитета Главного управления. Там на моих глазах шли отчаянные споры, кому выделить, то есть предоставить возможность купить, можете мне поверить, микроволновку. Страсти полыхали нешуточные. Слава Богу, до рукоприкладства не дошло. На то время в свободой продаже, кроме соли, не было ничего. Даже коробок спичек можно было приобрести по талону.

– Спички?!

– Да, именно спички, а вы говорите про автомобиль. Мне было легче в том смысле, что я бросил курить; моя семья расходовала спички только на то, чтобы зажечь на кухне газовую горелку.

– Но для этого есть элементарные зажигалки.

– Сейчас есть, а тогда и в помине не было.

– Какая дремучесть!

– Обычная, советская… Вообще-то, Сергей Юрьевич, мы здесь застоялись. Место слишком людное, кто-то может заинтересоваться, чего здесь торчит сынок, которого некоторые именуют «принцем»?

– А где вам будет удобнее? Может, заскочим в кафешку какую-нибудь, а? Посидим за чаем, поговорим.

Фомин отрицательно мотнул головой.

– Предпочтительнее будет какое-нибудь безлюдье. А поговорить можем и прямо здесь, в салоне.

– Кажется, понял, что вам надо.

Включив коробку передач, Ромашин выехал на основную улицу, повернул направо.

Машина запокачивалась, но тряски, которую испытал Фомин в автобусе, не чувствовалось. И он оценил:

– Мягкий ход.

– А как же, – горделиво откликнулся водитель, – иномарка.

Глядя вперед, Фомин заметил, что машина приближается к известному ему путепроводу.

– Все-таки куда взяли курс? Если…

Ромашин прервал:

– Не о том подумали, Александр Сергеевич. Мы едем, куда надо.

Метров за пятьдесят до въезда на путепровод машина взяла резко влево и выехала на неухоженную, второстепенную дорогу, которая вилась вдоль железнодорожного полотна и которую вряд ли очищали от снега с начала зимы.

Позади остались частные домишки. Дорога погрузилась в сосновый бор. Ни попутных, ни встречных машин не было, как и пешеходов.

– Готовите мне сюрприз? – Усмехаясь, спросил Фомин.

– Обойдемся без сюрпризов, Александр Сергеевич. Эта дорога ведет в пионерский лагерь имени Павлика Морозова…

– Неужели все еще так называется?

– Раньше так назывался, а сейчас – не помню.

Машина, съехав на обочину и погрузившись в глубокий снег, замерла.

– Прибыли, Александр Сергеевич. Здесь нас точно никто не увидит.

Играя под заправского автомобилиста, Фомин поинтересовался:

– Полный привод?

– А что?

– Так ведь… можем не выкарабкаться из сугроба.

– Прорвемся, Александр Сергеевич!

Ромашин никак не мог понять, почему этот большой и грузный человек в нем вызывает доверие и уважение? Он отлично знает местных полицейских, даже полковника Молчанова, но они не такие, совсем-совсем не такие. Во всяком случае, перед ними он душу не распахнет – это совершенно точно. С Фоминым же ему свободно и легко, будто с ним пуд соли съел, хотя на самом деле знаком несколько дней.

Фомин после короткой паузы сказал:

– Время нынче такое, что без современных достижений науки и техники человеку трудно обойтись, поэтому, несмотря на мой жуткий консерватизм, прихватил с собой цифровой диктофон.

Ромашин сидел к нему в пол-оборота.

– Простите, с какой целью?

– Чтобы всю нашу беседу, без каких-либо купюр зафиксировать на пленку. – Заметив, что Ромашин смотрит с недоумением и качает головой, решил дать разъяснения. – Этот миниатюрный диктофон, – он повертел его в руках, – в последние годы мне заменяет записную книжку. Удобная штука. Время записи – сто двадцать минут, вполне достаточно. Запись ведь хороша не только тем, что документально фиксирует разговор, но и тем, что передает интона-

ции собеседников, а это для детектива иногда приобретает особую важность… Да… Если вас это не устраивает, то я откажусь и вооружусь записной книжкой и ручкой.

– Предстоящая беседа настолько серьезна?

– Видите ли, Сергей Юрьевич: любая беседа, даже самая, на первый взгляд, незначительная, может стать впоследствии огромной значимости. А может и нет. Так что… Лучше что-то иметь, даже то, что может и не пригодиться, чем не иметь вовсе, а потом глубоко сожалеть. Выгляжу в ваших глазах перестраховщиком, но специфика работы обязывает: если знаешь, где можешь упасть, то глупо заранее не постелить соломки.

Ромашин согласно кивнул.

– Любая предосторожность полезна, а, как я понимаю, для сыщика – тем более.

Фомин уточнил:

– Особенно частному сыщику необходима… Итак, вы согласны?

– Да ради Бога, Александр Сергеевич. Если вам так полезнее…

– Не только полезнее, а и удобнее. Приеду в офис, моя сударыня подключит диктофон через соединительный кабель к компьютеру, скачает, а потом хоть до смерти заслушайся… Еще лучше, когда под рукой цифровая видеокамера… В этом случае могу не только слышать собеседника, но и видеть его лицо, любые изменения, любой мельком брошенный взгляд.

– В таком случае готов вам услужить…

– Чем же?

Ромашин достал из «бардачка» что-то, напоминающее портмоне, расстегнул, достал подобие сенсорного телефона, но с большим дисплеем, как-то вставил в держатели, что чуть выше лобового стекла (Фомин увидел на дисплее точно такое же изображение рабочего стола с иконками на нем, что и на компьютере его любимой сударыни), прикосновениями пальца вошел в настройки и стал выбирать необходимые опции. Прошло не более минуты.

– Устройство готово к работе.

– Так… А что это за штукенция?

Ромашин улыбнулся. Его забавляло, что этот большой и для кое-кого опасный человек не знает простых вещей.

– Обычный планшет.

– Планшет? – переспросил Фомин. Нет, он слышал, что есть электронная такая игрушка, но вблизи пока не видел. – Что им можно делать?

– Это своего рода ноутбук в миниатюре.

Фомин про ноутбук слышал и видел, но чтобы можно было положить в карман – такую диковинку впервые имеет счастье лицезреть.

– А нам-то зачем планшет?

– За тем, чтобы заснять видео.

– Всю беседу?

– Всю, если беседа продлится не более двух часов, а потом потребуется перезарядить встроенный аккумулятор.

– Со звуком?

– Естественно.

– Но… – Фомин о чем-то задумался. – Мне-то как получить видео? Оно же останется у вас.

– Есть несколько способов.

– Например?

– Если предоставите свой электронный адрес в Интернете, то я могу всё видео скинуть в виде почтового вложения. И ваша, как вы выражаетесь, сударыня скачает на свой компьютер. Есть вторая возможность: после окончания беседы видеозапись с планшета скачаю на свою флешку (ее еще называют USB-накопителем) и передам вам.

– Флешка, говорите? – Фомин порылся в кармане пиджака и достал. – У меня есть. Вот, – он протянул накопитель Ромашину. – Сгодится?

Внимательно осмотрев, Ромашин сказал:

– Вполне, Александр Сергеевич. Шестнадцать гигабайт – достаточно будет. Видите, все устроилось наилучшим образом.

– Сергей Юрьевич, а можно настроить так, чтобы картинка была полная?

– То есть?

– Чтобы вы и я были одновременно в кадре?

– Без проблем. – Ромашин чуть влево сдвинул планшет и чуть-чуть повернул его. – Все в порядке. К съёмке все готово. Чтобы качество картинки было наилучшим, в салоне включу полное освещение.

– Спасибо.

– Итак, начнем? – Фомин утвердительно кивнул. – Включаю видеозапись.

Фомин сделал небольшую паузу, потом, внимательно и все-таки недоверчиво посмотрев в сторону планшета, который, казалось ему, не подает признаков жизни, то есть, как он любит выражаться, не фурычит, хмыкнул. Качнув пару раз головой, пробурчал (то ли одобрительно, то ли осуждающе) себе под нос:

– Одним словом, техника.

Ромашин улыбнулся.

– Живем в век цифровых технологий.

Фомин возразил:

– Все по-разному: молодежь – да, а вот ваш покорный слуга – дремуч до невозможности.

Ромашин рассмеялся.

– Сурово… – заметил он и добавил. – Наверное, лишь обладающий мужеством способен вот так критиковать самого себя.

– Хм… Никто не знает… Можно еще высказать одну просьбу?

– Для вас, Александр Сергеевич, – хоть десять.

– Хотел бы, если есть возможность, остановить видеозапись.

– Зачем?

– Посмотреть на начало…

Ромашин, не понимая, чего хочет Фомин, переспросил:

– Зачем?

– Чтобы лишний раз убедиться… Все может быть…

– Какой вы недоверчивый!

Фомин вздохнул.

– Таким, наверное, родился. Признаюсь: я и себе-то верю лишь до обеда.

Ромашин весело поинтересовался:

– Почему лишь до обеда?

– Элементарно: мозги, или, как любит называть господин Пуаро, серые клеточки, быстро устают и я начинаю нести всякую чушь.

– Верится с трудом, но пусть будет так… Что касается записи… Ее можно приостановить. Но… Для просмотра результатов придется сохранить этот кусочек в самостоятельном видеофайле. Запись впоследствии будет продолжена, но сохранится в другом файле. если понадобится, файлы можно будет объединить.

– Каким образом?

– Путем монтажа в видеоредакторе.

Фомин категорически возразил:

– Нет-нет!

– А именно?

– Никакого монтажа! Он мне категорически не нужен. Пусть записи остаются такими, какими они есть на настоящий момент.

– Хорошо. – Несколько прикосновений пальца и на дисплее появилось изображение, а потом и звук.

– Все понятно… Остановите воспроизведение.

– Начать новую видеозапись? – Спросил Ромашин, выжидательно глядя в лицо Фомину.

А оно, то есть лицо частного детектива, в эту минуту ничего не выражало. И даже глаза, направленные в одну точку, казалось, замерли.

В салоне повисла тишина. Ромашин почему-то решил, что его вопрос услышан, но на него по какой-то причине, ведомой лишь Фомину, не хотят отвечать.

И это была правда. Фомин смотрел не на Ромашина, а чуть вправо, где сквозь лобовое стекло видел, что там поднялся низовой ветер, и причудливыми стремительными змейками закудрявилась позёмка.

Фомин сосредоточенно думал. О чем? Ему в голову вдруг занозой засел один вопрос: «Почему его клиент так весел? С чего улыбчив в то время, когда постигло несчастье и когда приличнее лишь горевать? Что вызывает в нем радость, если нет повода? Или повод есть, но только он ему, Фомину, непонятен? Странно… Нет, не странно, а подозрительно… Спросить прямо сейчас или воздержаться до поры?»

Тряхнув головой, будто сбрасывая с себя минутное оцепенение, Фомин наконец ответил:

– Да-да, запускайте вашу чудо-технику… По крайней мере, для такого чайника, как я… Продолжим.

Ромашин коснулся пальцем сенсорного дисплея и Фомин догадался, что пошла запись.

– Значит, все-таки «продолжим», а не начнем заново?

– Именно продолжим, Сергей Юрьевич.

– Но в том кусочке… ничего существенного… Наш разговор, не имеющий отношения к делу…

– Как сказать… – Многозначительно ответил Фомин и тут же, без какой-либо паузы продолжил. – У вас, как я заметил, хорошее настроение. Что, есть основание?

Ромашин на глазах помрачнел: вопрос частного детектива, которому он стал верить, шокировал его. Левая бровь заподергивалась, а по щекам пошли розовые пятна, свидетельствующие о душевном волнении.

Фомин невольно подумал: «Артериальное давление наверняка подскочило».

Ромашин опустил глаза вниз.

– Я догадался… Для вас, как для сыщика, мое нынешнее состояние – нонсенс.

Фомин кивнул.

– Вы близки к правде. Обычно человек, потерявший близкого, страдает и… ему долго-долго не до хихонек. Конечно, характеры у всех разные и все реагируют на несчастье по-своему. Есть те, которые надевают маски, – либо оптимистичного веселья, либо глубокой скорби. А что на самом деле чувствует человек, искренен или притворяется? Важный вопрос, который обычно интересует детектива в первую очередь.

По-прежнему не поднимая глаз, Ромашин ответил:

– Попробую объяснить… Только, боюсь, вы не поверите…

Фомин мягко, но твердо прервал.

– Поверю или нет – ответ на вопрос будет известен в будущем, а пока, прошу вас, при разговоре не опускайте глаза. Я придерживаюсь банальностей, например, такой: глаза – зеркало души. Слушаю ваше объяснение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.